

XXXIX г.

№ 5

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Г. УСПЕНСКАГО, Г. ГАУПТМАНА и гр. А. ТОЛСТОГО, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 2-го февраля 1908 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

г. XXXIX

1908

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежегод. литерат. и популярно-научныхъ приложений“ за февраль 1908 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1908 г. съ 87 рис. и отдѣльн. листъ съ 80 черт. выкр. въ натур. велич. и 28 рис. вышиванія по дереву.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1908 г.

съ приложеніемъ 40 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ:

полное собраніе сочиненій, въ 28 книгахъ,
ГЛЪБА УСПЕНСКАГО.

полное собраніе сочиненій, въ 10 книгахъ,
ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

„Дневникъ“ и „писма“, въ 2 книгахъ,
гр. АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6,50

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи . . .

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Рашельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7,50

Осъ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р. За
гра-
лицу. 12 р.

Для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить при „Нивѣ“ 1908 г. со всѣми вышеозначенными приложеніями еще 10 книгъ соч. гр. А. К. Толстого, приложенныя къ „Нивѣ“ 1907 г., подписная цѣна: 1) Безъ доставки въ СПБ.—8 р. 50 к.; 2) Съ дост. въ СПБ.—10 р.; 3) съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—10 р. 50 к. за годъ, или по 1/4 г.: за первую 1/4 4 р. 50 к. и за остальныя по 2 р.; 4) За границу—14 р. 50 к.

Въ кругу. Картина А. Я. Хрѣнова (XV выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ 1907 г.).

Степь грезить.

Романъ

Ал. Н. Будищева.

(Продолженіе).

Экипажъ совсѣмъ уже скрылся изъ вида, а Степа все стоялъ передъ крыльцомъ, какъ вросшій въ землю. Онъ чувствовалъ, что этой же ночью надо будетъ рѣшиться на первый свой выходъ. И онъ какъ будто рѣшался. Поспѣшно и съ озабоченностью на лицѣ онъ пошелъ мимо фасада дома, направляясь къ черному крыльцу. При первомъ же брошенномъ имъ взглядѣ онъ увидѣлъ лѣстницу, самую обыкновенную деревянную, приставленную лѣстницу. Она лежала возлѣ стѣны дома, на землѣ, положенная вдоль фундамента. Это будто обрадовало Степу.

«Такъ, такъ», — подумалъ онъ.

По размѣрамъ лѣстницы онъ сразу убѣдился, что она предназначалась для того, чтобы при ея помощи залѣзть на крышу дома.

Съ той же сосредоточенностью онъ заглянулъ затѣмъ и на крышу дома. И опять точно обрадовался тому, что тамъ онъ увидѣлъ. По его лицу прямо-таки скользнуло выраженіе самаго настоящаго удовольствія. Сейчас же за сѣнной крышей, совершенно плоской, онъ увидѣлъ въ крышѣ дома маленькую дверцу, не болѣе полутора аршина въ высоту. Дверь эта, очевидно, предназначалась для сообщенія съ чердакомъ. Степа хорошо зналъ, что ходъ на чердакъ имѣлся и внутри дома. Лѣстница въ прихожей была сооружена именно для этой цѣли. А надъ лѣстницей тамъ же имѣлась и дверца, которую надо было, прежде чѣмъ проникнуть на чердакъ, поднимать вверхъ плечомъ и рукою. Собственно въ такомъ чердакѣ, или «подловкѣ», какъ называютъ чердакъ въ иныхъ деревняхъ, не было рѣшительно ничего исключительнаго. Такихъ два входа можно встрѣтить если не всегда, то и не рѣдко въ деревенскихъ домикахъ. И часто они являются прямо-таки необходимыми. Печи старой кладки закрываются заслонками на чердакахъ. И на чердакахъ же обыкновенно высиживаютъ свои яйца куры, индюшки и гуси у владѣльцевъ съ настоящимъ хозяйскимъ глазомъ. Каждый входъ на чердакъ такимъ образомъ несетъ, такъ сказать, свою особую цѣль. Внутренній предназначенъ для прислуги, завѣдующей по зимамъ топкой печей. Наружный — для птичницы, воспитывающей всѣ молодыя поколѣнія домашней пернатой твари. Степа поэтому не былъ удивленъ своими открытіями, а только какъ будто обрадованъ.

А затѣмъ онъ пошелъ въ домъ. Въ столовой онъ увидѣлъ Любочку и подошелъ къ ней. Любочка сидѣла у раскрытаго окна и на рукахъ шила простенькую ситцевую рубашечку.

«Для какого-нибудь деревенскаго мальчугана», — подумалъ Степа и все-таки спросилъ: — Для кого стараетесь?

— На деревнѣ есть одинъ сиротка. Бѣдняжка 8-ми лѣтъ, маленькій — маленькій, — отвѣтила Любочка уклончиво и опять согнулась надъ работой, вся такая хрупкая и тонкая.

Степа снова спросилъ:

— А вы любите однихъ только несчастныхъ?

— Да.

— Почему?

— Счастливыхъ и безъ меня есть кому любить.

Любочка тихо разсмѣялась своимъ похожимъ на плачъ смѣхомъ и добавила:

— На счастливыхъ и безъ меня много охотницъ найдется.

— А я вотъ все съ Кодрей спорю, — проговорилъ Степа, и тонъ его голоса внезапно сдѣлался серьезнымъ и суровымъ.

— О чемъ?

Любочка не отрывалась отъ работы и разговаривала, не глядя на Степу.

— Да! Я всю мою жизнь одну только несправедливость видѣла! — вдругъ почти вскрикнулъ Степа пламенно и горько. — Одно зло и страданіе! — Онъ тяжело опустился въ кресло, видимо борясь съ собою.

— И все-таки я не понимаю, о чемъ вы спорите съ Кодрей, — повторила Любочка такъ же равнодушно и не отрываясь отъ работы. Отъ ея лица, склоненнаго надъ этой сиротской рубашечкой, будто исходилъ какой-то ровный и покойный свѣтъ.

— И я все думаю... вотъ о чемъ... — между тѣмъ медленно выговаривалъ слова Степа. — А можетъ-быть, я просто-напросто боленъ! — опять чуть не выкрикнулъ онъ, обрывая свою мысль на полпути.

Онъ задышалъ часто-часто и такъ тяжело, что Любочка наконецъ приподняла на него свои глаза.

— Чѣмъ вы больны?

Въ голосѣ Любочки прозвучало участіе, а ея лицо ярко выразило недоумѣніе.

Степа глядѣлъ на нее тусклыми глазами, словно испуганный появленіемъ внезапнаго призрака. Розовая рубашечка упала съ колѣнъ Любочки на полъ.

— Чѣмъ вы больны?

У Степы мучительно вырвалось:

— Мнѣ спину вывихнули! Спину! Какъ у того, у этого...

Онъ тихо поднялся на ноги и пошелъ изъ комнаты, какъ слѣпой натыкаясь на стулья.

XI.

Дарья Архиповна, по мужу Абшарова, приходилась двоюродной сестрой Любочкѣ. Ихъ матери, теперь уже покойныя, были родными сестрами. Андрей Ивановичъ, скупой до скаредности, родственныя узы все же чтить свято, и въ силу этихъ узъ Дарья Архиповна частенько прогацивала въ лѣтніе мѣсяцы подъ кровлей стуколкинскаго дома, для другихъ не столь гостепріимнаго. Большею частью она пріѣзжала сюда на степной хуторъ послѣ крупныхъ ссоръ съ мужемъ, котораго она покидала порою даже безъ всякаго предупрежденія съ своей стороны, тайкомъ, не оставляя ему даже и записочки, хотя бы самой коротенькой. На этотъ разъ, уѣзжая къ Стуколкинмъ, она, впрочемъ, оставила мужу цѣлое письмо.

«Обожаемый деспотъ и повелитель, — писала она ему: — признавая за собою неисчислимыя вины передъ тобой, я твердо рѣшила наказать себя долгосрочной ссылкой въ мѣста не столь отдаленныя, дабы лишить себя возможности любоваться прекраснымъ ландшафтомъ твоего милаго лица. При этомъ спѣшу добавить: мое намѣреніе наказать себя такъ твердо и непреклонно, что я тотчасъ же покину ту кровлю, которая окажетъ мнѣ гостепріимство, если ты, движимый милосердіемъ, погонишься вслѣдъ за мною. Говорю серьезно. Лишь только я увижу столь любимый мною пейзажъ и жанръ твоего ненагляднаго личика, я тотчасъ же удеру, куда глядятъ глаза. Я слышу, о, повелитель, твои властительныя уста уже шепчутъ мнѣ: — «А гдѣ у тебя на это деньги?» — Зевсopodobный! Онъ у меня есть. Къ стыду моему, я осмѣлилась заложить фамилыя брильянты княжны Касимовой, которые ты соблаговолилъ подарить мнѣ въ прошломъ году на именины. Впрочемъ, лишь нѣкоторую часть ихъ. Ломбардную квитанцію на каковую и препровождаю тебѣ. Кстати прилагаю при семъ и мои собственныя фамилыя драгоценности: перламутровую пуговицу среднихъ размѣровъ, въ свое время украшавшую нѣкоторую часть костюма моего покойнаго дѣда. Эти мои фамилыя перламутры ты имѣешь полное и законное право пришить при помощи хирургической иглы къ твоей очаровательной нижней губкѣ. Сдѣлавъ на не менѣе очаровательной верхней соответствующую петельку, ты затѣмъ можешь накрѣпко застегнуть твой ротикъ, который уже намѣревается прошептать мнѣ, безъ сомнѣнія, самыя искреннія изліянія самаго свѣтлѣйшаго милосердія. А затѣмъ до нескорого свиданія».

Далѣе подъ письмомъ слѣдовала подпись:

«Всегда одинаково обожающая тебя супруга твоя Дарья, по отцу Архипова, по мужу Абшарова, по фамилыямъ драгоценностямъ Перламутрова».

И постъ-скриптумъ: «Тебѣ угодно знать, о, властитель, шлю ли я на прощанье хотя бы единый поцѣлуй тебѣ? Заочный? Да сколько угодно!»

Такого рода письмо Дарья Архиповна оставила мужу мѣсяцъ

тому назад, но отбить на него она получила только на-днях. Муж писал ей, и как будто теперь въ совершенно новомъ для нея тонѣ. Вотъ каково было это письмо:

«Пишу тебѣ тоже совершенно серьезно,—писалъ ей мужъ:— совершенно серьезно. Безъ тѣни лукавства, взывая лишь къ одной правдѣ, дабы лишь она одна помогла мнѣ разобраться въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя меня загнала моя несчастная судьба. Прошлой ночью я былъ на могилѣ Гришеньки и мысленно бесѣдовалъ съ его свѣтлой для меня тѣнью о тебѣ. И въ этой бесѣдѣ я почерпнулъ силы, необходимыя мнѣ для того шага, который я намѣреваюсь сдѣлать. Пишу тебѣ серьезно, совершенно серьезно, и да не поразитъ тебя новый для тебя тонъ моего письма. Этотъ тонъ удивляетъ и меня самого, и—кто знаетъ?— можетъ-быть, я пишу всѣ эти строки подъ диктовку Гришеньки. И такъ, слушай и попробуй и въ своемъ сердцѣ разбудить искренность и правдивость. Пусть только эти чувства станутъ сейчасъ между нами, какъ строгіе судьи и добрые совѣтчики. И такъ, приступаю къ изложенію предпринятаго мною рѣшенія. Отнынѣ я считаю тебя совершенно свободной. Слышишь? Отнынѣ я отказываюсь отъ права контролировать поступки твои, какъ глава дома и мужъ. Отказываюсь отъ права вмѣшательства въ твои личныя дѣла. Повторяю: ты совершенно свободна. И вольна жить, гдѣ хочешь и какъ хочешь. На всяческіе пересуды и сплетни, которые, конечно, возникнутъ по этому случаю въ городѣ, я уже заранѣе плюнулъ, и плюнулъ отъ всего сердца. Не боюсь никого и ничего. И такъ, пусть будетъ твой свободный выборъ. Представь себя снова дѣвушкой, и дѣвушкой свободной, какъ степной вѣтеръ. И поступи такъ, какъ подскажетъ тебѣ сердце. Послушайся только его. И если ты рѣшишься послѣ этого снова войти въ домъ мой, я почту себя твоимъ избранникомъ и буду видѣть въ тебѣ добровольную подругу жизни моей, а не вѣроломную гадюку. А если же ты хочешь отдѣльной отъ меня жизни, я тотчасъ же вышлю тебѣ паспортъ, куда ты прикажешь, и внесу на твое имя капиталъ, процентами съ котораго ты и могла бы существовать, не зная нужды. Если ты захочешь полного и формальнаго развода,—выхлопочу и разводъ. Хотѣлъ бы тебя видѣть, чтобы договориться обо всемъ лично, но, впрочемъ, какъ ты хочешь. Жду отвѣта».

Письмо было подписано коротко:

«Петръ Абшаровъ».

А въ принискѣ значилось: «Пить же я рѣшилъ бросить окончательно и безповоротно».

Письмо это несказанно поразило Дарью Архиповну. Ничего подобнаго раньше отъ мужа своего она не слыхивала. Раньше, въ моменты ея самовольныхъ и внезапныхъ отъѣздовъ, мужъ, бывало, отвѣчалъ на ея вызывающія письма порою такъ: «А по этапу возвратиться къ домашнему очагу ты хочешь?» Или же вотъ этакъ: «Ой, Дарья, не допляшисъ до плеточки!» Всегда очень коротко и очень сильно. Безъ всякихъ ограничительныхъ обѣщаній съ своей стороны. И всегда эти письма наполняли сердце Дарьи Архиповны жаждой самой безудержной борьбы. Въ этомъ было какое-то жуткое веселье. А теперь это письмо точно вырывало изъ рукъ Дарьи Архиповны самое надежное ея оружіе, погружая ее въ какую-то пустоту. Всѣ три дня, десятки разъ перечитывая это письмо, она все ходила, погруженная въ самыя серьезныя размышленія, съ выраженіемъ дѣловитой озабоченности на своемъ хорошенькомъ лицѣ. Она все думала, что-то надлежало ей отвѣтить мужу, но не находила въ себѣ искренняго отвѣта. Въ день отъѣзда Андрея Иваныча она ушла съ утра далеко въ поле и все сидѣла тамъ на берегу того узкаго ручья, который извивался и передъ усадьбой. Притихшая и серьезная, она глядѣла въ его прозрачныя воды. Въ глубинѣ души она клялась поступить по отношенію къ мужу съ самою безупречной искренностью, но какое рѣшеніе она приметъ— она еще и сама не знала.

— Я знаю лишь одно, — говорила она себѣ съ твердостью. — Если ужъ я и теперь возвращусь въ домъ мужа моего, я буду для него тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ. Добровольной и искренней подругой его, а не вѣроломной гадюкой. Клянусь! — шептала она, въ тоскѣ ломая свои красивыя и нѣжныя руки. — Клянусь!

Но стояло ли возвращаться въ домъ мужа,—для нея это было неясно. Побесѣдовавъ сама съ собою, она опять пошла домой и

стала искать Любочку; одинокія размышленія какъ будто начинали давить ее, наполняя лишь одной безысходной грустью.

Любочка каждое утро занималась съ крестьянскими ребятишками изъ деревни Шмельевки, обучая ихъ грамотѣ. Для этой цѣли ею было облюбовано уютное мѣстечко неподалеку отъ усадьбы, на берегу ручья, куда ребятишки и сбѣгались къ ней съ большою охотой и рвеніемъ. На веселой луговинѣ, благоухавшей такимъ радушіемъ, подъ живымъ свѣтомъ небесъ, часы занятій бѣжали такъ быстро, что школа каждый разъ съ большою неохотой узнавала отъ своей учительницы объ окончаніи занятій. И часто спрашивали ее:

— Давай еще подъ диктовку напишемъ крошечку. Что-то пальцы поразмятъ хочется.

— А мозги поразмятъ неохота? — смѣялась имъ Любочка.

Дѣвочки побойчѣе отзывались:

— Мозги не кудель. На мялку ихъ не положишь.

Склоняясь на просьбы всѣхъ, Любочка принималась и за диктовку, несмотря на сверхурочные часы. Ребятишки старательно начинали выводить буквы. И тѣ, которымъ не хватало бумаги и карандашей, выводили свои каракульки просто палочкой на песку берега.

Дарья Архиповна, конечно, знала о существованіи этой школы и прямо направила туда.

— Ты уже распустила свою школу? — спросила она у Любочки, увидѣвъ ее на берегу ручья, но уже одну. Русыя головки не окружали ее живымъ вѣнкомъ.

— Распустила, — отвѣтила Любочка тѣмъ замкнутымъ тономъ, которымъ она всегда говорила съ взрослыми и который многіе принимали за надменность. — А что ты какая сегодня? — спросила и она Дарью Архиповну. — Будто сама на себя непохожа? Или все еще не рѣшила своего отвѣта мужу?

— Не рѣшила, — отвѣчала Дарья Архиповна грустно. — Все еще не рѣшила.

— Развѣ это такъ хитро? — опять спросила Любочка. — Если ты любишь мужа, возвращайся къ нему, а не любишь — лети куда хочешь. Вѣдь мужъ даетъ тебѣ и волю и деньги.

Дарья Архиповна жестко усмѣхнулась.

— Летѣть-то хочется, — наконецъ проговорила она почти сердито: — но есть ли на землѣ тѣ страны, куда летѣть-то взмываетъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Что если эти страны — обманъ мечты и миражъ въ пустынѣ?

— Но вѣдь ты всѣ годы своего замужества боролась изъ-за своей личной свободы. Зачѣмъ же тогда ты боролась?

Любочка пожала плечомъ.

— Въ борьбѣ было своего рода счастье, — отвѣчала Дарья Архиповна хмуро. — Все-таки борьба веселила сердце и поднимала душу. Но вотъ война окончилась, такъ нужно же дать себѣ отчетъ, ясный и опредѣленный: куда же теперь идти?

Объ женщины сидѣли рядомъ и переговаривались отрывисто и задумчиво. Облачный день мягко свѣтился вокругъ, и вѣтеръ лѣниво игралъ ихъ волосами. Поверхность ручья порой покрывалась мелкой рябью.

— А въ какія страны тебя летѣть-то взмываетъ? — вдругъ спросила Любочка сухимъ и какимъ-то деревяннымъ тономъ, каковымъ говорятъ люди, томимые нудной зубной болью.

— Въ какія страны? — повторила Дарья Архиповна. — Въ какія? — Она глядѣла прямо передъ собою потемнѣвшими глазами и съ разстановкой говорила: — Гдѣ каждый день жизни полонъ глубокаго содержанія и интереса, гдѣ чувства красивы, пламенны и долговѣчны. Гдѣ прекрасная дѣйствительность ходитъ рука объ руку съ самой нарядной грезой, какъ женихъ и невеста, обрученные на любовь до могилы.

Любочка шевельнулась.

— И ты думаешь, что такихъ странъ нѣтъ?

— Боюсь думать, но думаю.

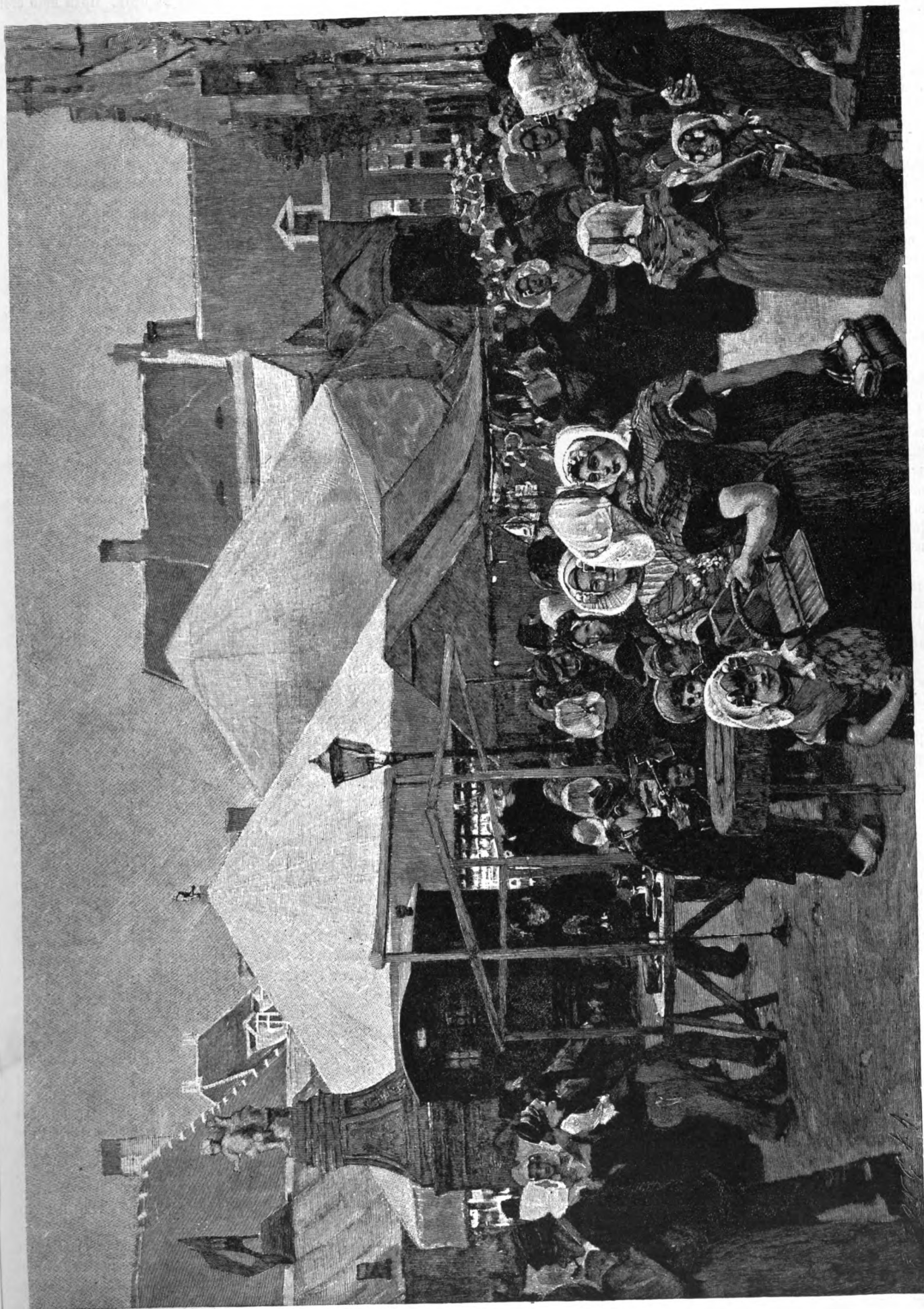
— Почему боишься думать?

Дарья Архиповна ничего не отвѣтила на это, но, вдругъ вся содрогнувшись въ плечахъ, съ брезгливостью и гнѣвомъ выдохнула изъ себя:

— О-фа, вотъ что такое наша жизнь! Ф-фа! — снова сдѣлала она губами, полная гнѣвнаго презрѣнія.

Нападение. Картина А. Вьржик-Козальскаго, гравюра Г. Юнга.

Голландская ярмарка. Картина Г. Германа, гравюра Р. Бонга.

Съ минуту она помолчала, какъ бы пробуя побороть подымавшися въ ней чувства.

— И я боюсь думать, но думаю, — наконецъ заговорила она: — что на землѣ есть только одинъ фактъ огромной важности и существеннаго значенія. Нелѣпный и зловѣщій! Зловѣщій! — повторила она дрогнувшимъ голосомъ.

Любочка всколыхнулась.

— Какой фактъ?

— Трупъ Гришенки, — сказала Дарья Архиповна жестко. — Онъ лежалъ въ гробу такой жалконькій и бѣдненькій. Бѣдненькій! Бѣдненькій! А я въ ту минутку все думала. Кто могъ приговорить его къ смертной казни черезъ задушеніе дифтеритомъ? Кто могъ и за что? Ужаси Богъ? Но тогда за чьи грѣхи? За мои? или его отца? Въдѣ собственныхъ грѣховъ у него быть не могло. За что же ему это?

Голосъ Дарьи Архиповны сорвался, и, закусивъ губу, она притихла.

— Гришеньку приговорила къ смерти людская неряшливость, — отвѣтила Любочка твердо и рѣзко. — Богъ тутъ не при чемъ! Онъ святъ и великъ!

— За что? — вскрикнула снова Дарья Архиповна и совсѣмъ уже дико.

Любочка подѣла къ ней ближе и обняла ее плечи.

— Гришеньку приговорила къ смерти людская неряшливость, — повторила она съ тою же твердостью. — Если бы въ аптекѣ была дифтеритная сыворотка, Гришенька былъ бы спасенъ. Богъ говорить этимъ случаемъ человѣку: «Бодрствуй и трудись, не покладая рукъ твоихъ. Твой трудъ — это спасеніе и жизнь, а твое нерадѣніе и небрежность — есть смерть и тлѣніе».

Дарья Архиповна пронзительно вскрикнула и вся забила въ жестокомъ истерическомъ припадкѣ.

— Я Гришеньку убила, я, я, — дико вскрикивала она, извиваясь какъ на огнѣ. — Если бы я тогда не уѣзжала, онъ былъ бы живъ!

Любочка крѣпче обхватила ее плечи своими руками, будто силясь сдержать эти конвульсивныя подергиванья.

— Ну, будетъ тебѣ, будетъ, будетъ! Затѣмъ же убиваться такъ неистово! — шептала она мягко и нѣжно.

Изъ кривящихся губъ Дарьи Архиповны все несло:

— Уби-ла, я-я...

Крѣпче стискивая ее подергивавшіяся плечи, Любочка часто заморгала глазами и расплакалась.

— А я, думаешь, счастлива? — шептала она, плача. — Я тоже глубоко, глубоко несчастлива. И знаешь чѣмъ? Я стыжусь и себя самоѣ, и отца, и всей нашей жизни. Да! Да! И я тоже хочу всей душою ясныхъ и опредѣленныхъ цѣлей, содержательной жизни и, главное, дѣла, дѣла. Главное!

Обѣ женщины долго сидѣли на берегу ручья, крѣпко обнимая другъ друга, и горько плакали, пока не притихли наконецъ, досыта настрадавшись и словно примиренныя этимъ страданіемъ съ жизнью. Первой поднялась съ берега Любочка.

— Пора идти обѣдать, — сказала она: — Фелицата и то, поди, заждалась насъ. Мы-то тутъ надъ жизнью плачемъ, а она у плиты жарится. Это тоже не фасонъ, какъ говоритъ мой родитель. И за чьи грѣхи? — Любочка попробовала улыбнуться, но улыбка ее вышла натянутой и горькой.

Придя домой, Дарья Архиповна присѣла на минуту къ столу и написала мужу всего двѣ строчки, лаконическія какъ языкъ телеграммъ:

«Пріѣзжай. Помоги мнѣ разобраться съ самой собою. Мнѣ тяжело».

Заадресовавъ конвертъ, она тотчасъ же отправила письмо на почту, торопя рабочаго, который долженъ былъ везти это письмо, и будто боясь, что она можетъ еще передумать свое рѣшеніе, между тѣмъ какъ измѣнять его ей совсѣмъ-таки не хотѣлось. Садясь за обѣдъ, она сказала Любочкѣ:

— Итакъ, паруса поставлены, но куда-то мы поплывемъ теперь?

Любочка молча ѣла супъ, а Дарья Архиповна подумала и довѣла съ грустью:

— Цѣли жизни мнѣ кажутся ясными только тогда, когда я слушаю очень хорошую музыку. Она точно отвѣтъ тебѣ даетъ

и такой понятный-понятный. А дослушаешь музыку, — и отвѣтъ забыть. И исчезъ, какъ птица въ небѣ. Поди ищи его! Гдѣ? Какъ?

А въ самомъ концѣ обѣда, когда ѣли вафли со сливками, она спросила:

— Кто тебѣ такъ Гришенькину смерть объяснилъ?

— Какъ такъ?

— А вотъ относительно людской небрежности и затѣмъ словъ Бога: «Бодрствуй и трудись...» Ты сама?

— Нѣтъ.

— Кто же?

— Догадайся!

Безъ размысленій и сразу Дарья Архиповна сказала:

— Кудря Охлопьевъ? Да?

Любочка кивнула головою.

— Да.

Весь обѣдъ онѣ все еще томились грустью, но къ вечеру онѣ качались въ саду на качеляхъ и очень много и звонко смѣялись. Такой поворотъ отъ самыхъ жгучихъ страданій къ самому безпечному веселью какъ будто удивлялъ и ихъ самихъ. Имъ порою дѣлалось стыдно передъ кѣмъ-то, но небо, садъ и стлавшіяся вокругъ поля сіяли, какъ и всегда, самой безупречной ясностью, словно говорившей имъ:

— Такъ было и такъ бываетъ всегда и вездѣ. Такова жизнь.

XII.

Вечерѣло. Тучи пылали на закатѣ, какъ зажженные корабли въ пристани, и ихъ зарево мерцало на поляхъ матовыми и разноцвѣтными бликами. Прозрачный воздухъ не дрожалъ, и голосистые жаворонки смѣло и широко бросали свои звонкія трели въ ясномъ просторѣ притихшихъ полей. А Степа стоялъ у олицы и прислушивался, какъ Прасковья Антоновна переругивалась съ Проскудіей.

— Вчера куры нанесли десять яицъ, а нынче — на-те подите, всего-на-всего семь! Гдѣ остальные три яйца? Почему семь? Къ чему? Отчего? — ворчала она, сидя на крыльцѣ, но поглядывая на окно кухни.

Проскудія порою высовывала свое коричневое лицо въ это окно и сердито огрызалась.

— А чтѣ я за пѣтуховъ за твоихъ отвѣтчица, что ли? Чтѣ ты меня въ пѣтухи, что ли, нанимала? Проскудія — прачка, Проскудія — кухарка, Проскудія — скотница. И безъ того слава Богу! А теперь возьмите ихъ за руpee за семь гривенъ! На Проскудію и пѣтушью работу взвалить хотять! Здравствуйте! Проскудія еще и пѣтухъ! Кукареку завтра утромъ надо будетъ кричать! Кукареку! Кукареку! — кричала она въ окно злобно...

Степѣ надоѣла эта перебранка, и онъ пошелъ къ рѣкѣ. Проходя мимо огорода, онъ увидѣлъ Куколю и Архипушку. Только что возвратившіеся съ возки навоза изъ поля, они ходили съ лейками въ рукахъ мимо грядъ и поливали мясистую и сочную зелень капусты. Онъ подошелъ къ нимъ, скользя по ихъ фигурамъ разсѣяннымъ взглядомъ.

— Давненько мы съ тобой не гуторили, — сказалъ ему Куколь. — Все-то ты думаешь о чемъ-то, все-то ты видимо въ какомъ-то головоломномъ дѣлѣ. О чемъ думаешь? — спросилъ онъ его, выпуская изъ лейки свѣтлый и звенящій дождь на рыхлую почву грядки.

— Мимо лешь, — замѣтилъ Куколь Архипушка: — ай и самъ о чемъ задумался?

— Проживи ты съ мое, и ты задумаешься когда невзначай, — огрызнулся Куколь. — Ой, парень, возмись сосчитать, не много ли это на одного человѣка? Пять пожаровъ я пережилъ, четыре голодныхъ года, одинъ хивинскій походъ. Ты считаешь? — спросилъ онъ у Архипушки.

— Считаю, считаю, — отозвался тотъ весело.

Легошкѣ Степа отобралъ лейку изъ рукъ Куколя и сталъ самъ поливать капустныя грядки.

— Четырехъ ребятъ я похоронилъ, — продолжалъ свой счетъ Куколь: — это изъ восьми. Все свое потомство исполу со смертью подѣлил. Разъ, когда я мірскимъ пастухомъ былъ, былъ меня бодалъ крѣпко, но не убилъ. Два раза по Сурѣ я лѣсъ сплавлялъ и тонулъ дважды, но не утонулъ. Это сколько вышло? — спросилъ онъ у Архипушки: — для одной жизни

как? Дальше считать прикажешь? Я вѣдь до ночи не окончу, поди!

Онъ стоялъ между грядъ, свѣсивъ свои жилистые руки, босой и распоясанный, одѣтый во все посконное, и будто пламя пожара мерцало на его огненно-рыжей бородачѣ. Въ прозрачномъ свѣтѣ яснаго вечера вся его фигура, неподвижная и суровая, вырисовывалась рѣзко, какъ вытесанная изъ камня.

Степа вдругъ спросилъ Куколя:

— А когда ты Хиву шелъ воевать, слѣдомъ за собой ты Андрея Ивановича Стуколкина не замѣтилъ?

— Нѣтъ, не замѣтилъ! А что? — удивился Куколя: — нешто онъ слѣдомъ за нами вѣпоры шелъ?

Степа сердито разсмѣялся.

— Непремѣнно! Это ужъ неперемѣнно!

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? А хивинскихъ жеребцовъ за древесные листья скупать? Онъ это любитъ!

Степа опять разсмѣялся. А Архипушка чуть даже лейку изъ рукъ не выронить.

— Ужели въ хивинскихъ земляхъ за древесный листъ можно лошадь купить? Вотъ ужъ истинно за моремъ телушка — полушка...

— А ты, милый пестъ, различай шутку отъ правды! — цыкнулъ на него Куколя.

Степа напряженно подумалъ:

«Во искушеніе грѣховъ всѣхъ этихъ Стуколкиныхъ и прочихъ, вотъ во чье имя я стараюсь».

— Такъ ли? — будто кто-то спросилъ его властно и строго, какъ на допросѣ.

Онъ хрустнулъ пальцами, пытаясь заглушить боль сомнѣнія, поднимавшагося въ немъ помимо его желаній. Онъ уже стоялъ надъ рѣчкой, погруженный въ размышленія и сился еще разъ освѣтить себѣ всѣ уголки своей мятущейся души. Его планы были памѣчены имъ съ твердостью, и требовалось лишь приступить къ ихъ выполнению. Вопросъ весь сводился къ тому, къ чему-то привести его поиски въ усадьбѣ Стуколкина. Но эти поиски онъ твердо рѣшился начать сегодняшней же ночью.

Вокругъ темнѣло; огненное пламя тучъ дѣлалось фиолетовымъ, рѣка задымилась тонкимъ паромъ; поля будто испускали изъ себя сумракъ, и Млечный Путь развернулся въ небесахъ, какъ смутная дорога въ вѣчность.

За ужиномъ онъ сидѣлъ серьезный и хмурый и не притрогивался къ пищѣ. Чтобы не выдавать своего волненія, онъ попробовалъ-было ѣсть, но кусокъ застревалъ въ его горлѣ. Прасковья Антоновна то и дѣло поглядывала на него собогѣзнующимъ взглядомъ и уныло вздыхала.

«Недужить парнишка», — думала она о сынѣ. Впрочемъ,

Прасковья Антоновна всегда страдала и всегда имѣла подъ рукой достаточныя причины для своихъ волненій. Когда они были богаты, она то и дѣло жалобно причитала:

— Бѣда которымъ при деньгахъ. Того и гляди блудящій человекъ черезъ деньги неровенъ часть придушить!

А когда они стали бѣдными, она такъ же жалобно причитала, ставя въ печь окорокъ баранины:

— Бѣда которымъ безъ денегъ. Заутро съ голоду помереть можешь!

Послѣ ужина она не выдержала и сказала Ильѣ Никитичу:

— Боленъ парнишка. Охъ-хо-хо!

— И самъ вижу, — буркнулъ тотъ.

— А чѣмъ — неизвѣстно, — вздохнула та.

— Кому неизвѣстно, а мнѣ какъ на ладони...

— Чѣмъ?

— Извѣстно чѣмъ. Юбочнымъ тифомъ.

— Чѣмъ? — недоумѣвала Прасковья Антоновна съ испугомъ на лицѣ.

— Юбочнымъ тифомъ. Да ты не пугайся, — засмѣялся Илья Никитичъ: — къ намъ этотъ недугъ не пристанетъ. Уросли!

Видя, что она все еще ничего не понимаетъ, онъ добавилъ:

— Баба къ нему въ сердце постучалась шибко. Поняла?

— Баба? Какая баба?

— Какая? Извѣстно какая. Съ длиннымъ волосомъ и короткимъ умомъ. А веселый этотъ самый недугъ юбочный тифъ, — снова засмѣялся Илья Никитичъ. — Уростешь отъ него, и пожалеешь. Да! Вѣрное слово!

— Тафу, — проворчала Прасковья Антоновна: — съ нимъ о дѣлѣ, а у него въ умѣ все то же!

Старикъ весь задрожалъ отъ смѣха.

— То-то и бѣда, что только въ умѣ! какъ въ ариметикѣ при сложеніи. Въ умѣ-то десять, а пишешь ноль!

А Степа тотчасъ же послѣ ужина прошелъ далеко въ поле и спустился въ русло оврага. На хуторѣ онъ какъ будто боялся бесѣды съ глазу на глазъ съ Кодрей, и онъ удалился сюда, вотъ именно гонимый этимъ чувствомъ. Одинокая ветелка, жидколистая и полублупленная, торчала здѣсь на скатѣ оврага. Вся обтрепанная бурями, она, казалось, пришла искать здѣсь тишины и покоя. Степа сѣлъ здѣсь, прислонясь спиною къ ея облупленному стволу и замирая въ какомъ-то одервенѣломъ состояніи. Онъ ни о чемъ не думалъ, прислушиваясь лишь къ шороху безпечнаго поля. Такъ прошелъ часъ, другой и третій. И тогда Степа властно сказалъ себѣ: — «Пора!» — точно отдалъ себѣ приказаніе. Онъ съ поспѣшностью поднялся на ноги, обдернулъ на себѣ темно-синюю рубашку и отправился на хуторъ Стуколкина, не спѣша, но и безъ лишннихъ промедленій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВИТЯЗЬ.

Стихотвореніе Г. Вяткина.

То не соколъ окровавленный,
Камнемъ на землю упалъ, —
Юный витязь съ поля браннаго
На отчизну прискакалъ.

— Нѣтъ ли вѣсточки отъ милаго?
Витязь мраченъ и молчитъ,
И зловѣще и загадочно
Онъ на дѣвицу глядитъ.

Поблѣднѣла черноокая...
И въ мучительной тоскѣ
Вдругъ забилось сердце бѣдное,
Словно ласточка въ силкѣ...

Опустились бѣлы ручки,
Загорѣлся взоръ слезой...
— Ой, не плачь, не плачь, красавица!

Не достать воды живой.

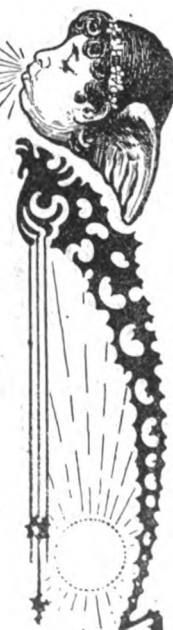
Не поднять тебѣ усопшаго
Забубеннаго бойца.
Не одна ты, горемычная,
Схоронила молодца!

Много, много славныхъ витязей
Пало въ полѣ роковомъ,
И клюютъ ихъ злые вороны
Въ полночь, вечеромъ и днемъ.

Да зато отчизна милая,
Какъ орелъ, теперь вольна!
...Что-жъ молчишь ты, ненаглядная?
Отчего ты такъ блѣдна?

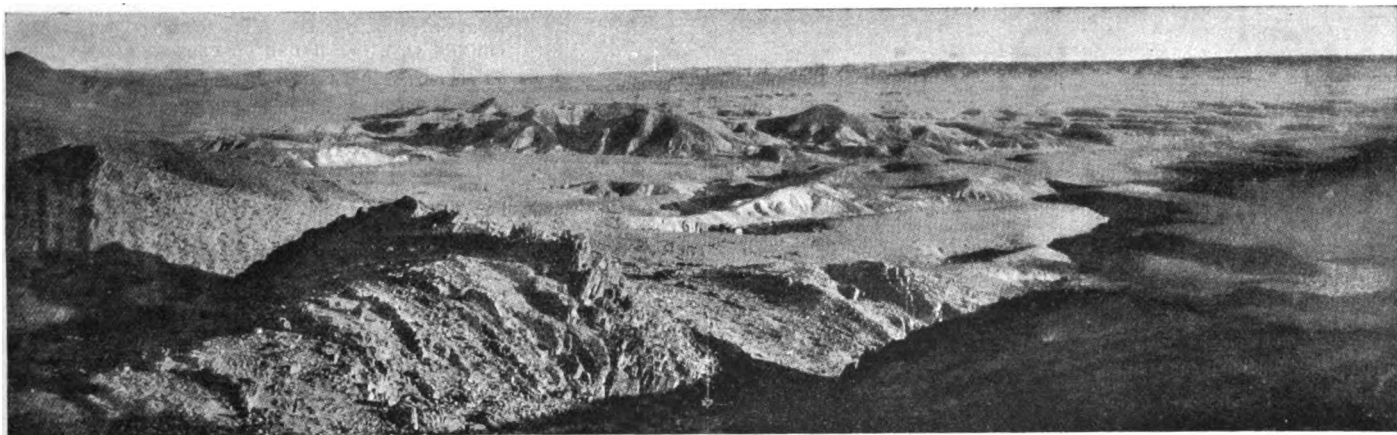
Аль не въ силахъ вѣсть поблѣд-
ная

Поблѣдить кручины злой,
Что ко груди присосалась
Подколенную змѣей?..

Срътеніе Господне. Ікартина Ж. Осера.

Песчаная волна. Фотографический снимок с песчаных дюн в Сахаре.

Песчаная волна. (С 4 рис. на стр. 89 и 90).

Арабы недаром называют Сахару «морем песка». Пустыня во многом напоминает море; она на него похожа и своею безпредельною ширью, своим простором, своею однообразною поверхностью, уходящею до горизонта. Но вода и песок представляют еще другую черту сходства. Вода—жидкость, песок—тѣло сыпучее, и потому оба движутся, и их движение дает сходную картину. Вода от вѣтра колеблется и вздымается волнами, песок тоже. Только водяная волна непрерывно подвижна и послѣ вѣтра опадает, а песчаная волна остается и образует валы, ряды, гряды, цѣлыя цѣпи холмовъ, кажущихся иногда громадными, особенно европейцу, на его глаза, непривычный къ тропическому освѣщенію. Именно въ Сахарѣ, съ ея горами песка, любопытно наблюдать, что дѣлает вѣтеръ изъ этого сыпучаго матеріала. Въ Сахарѣ дуютъ постоянные вѣтры, почти не мѣняющіе направленія, а потому и песчаная волна гонится этими вѣтрами по одному направлению, въ одну сторону; тутъ-то, на пути этого движения, песок и ложится огромными, тяжелыми волнами. Эти волны вторгаются на окраинахъ пустыни въ плодородныя мѣстности и здѣсь засыпаютъ воздѣланные участки, очень быстро обращая и ихъ въ пустыню. А бороться съ этимъ нашествіемъ—нѣтъ возможности, потому что вѣтра не остановишь и нанесенный песок не сместишь метлою. Мѣстами на берегахъ Африки вѣтеръ сдуваетъ песок въ море, и отъ этого море постепенно мелѣетъ, грозя судоходству.

Но Сахара все же въ огромнѣйшей своей части—пустыня въ полномъ смыслѣ, т.-е. мѣстность человѣкомъ не населенная и даже тщательно избѣгаемая. А вотъ въ Сѣверной Америкѣ есть мѣста, гдѣ песчаные заносы вторгаются въ область, населенную людьми, прорѣзанную желѣзными дорогами. Въ такомъ положеніи очутилась теперь долина Колумбіи. Здѣсь инженерамъ пришлось вступить въ борьбу съ колоссальными песчаными волнами, которыя налегаютъ на линію желѣзной дороги; особенно велика опасность отъ нихъ на полуостровѣ Кепъ-Кодъ, на береговой полосѣ Нью-Джерсея, близъ мысовъ Генлопенъ, Генри, мѣстами въ Сѣверной и Южной Каролинѣ. Песчаная дюна въ этихъ мѣстностяхъ достигаетъ высоты до сотни футовъ. Въ вѣтренные дни рельсы и все полотно желѣзной дороги мѣстами совсѣмъ исчезаютъ подъ наносомъ песка. Вѣтеръ разрываетъ дюны, подхватываетъ съ нихъ тучи песка и несетъ его во всѣ стороны. Были случаи, когда поскомъ заносились цѣлыя лѣса, когда подъ его наноснымъ слоемъ исчезали постройки. А въ Делаварскомъ заливѣ песокъ угрожаетъ даже зданію маяка, которое уже чуть не наполовину занесено имъ.

~~~~~

Флюидная болѣзнь и ихъ лѣченіе.

(С 6 рисунками на стр. 91).

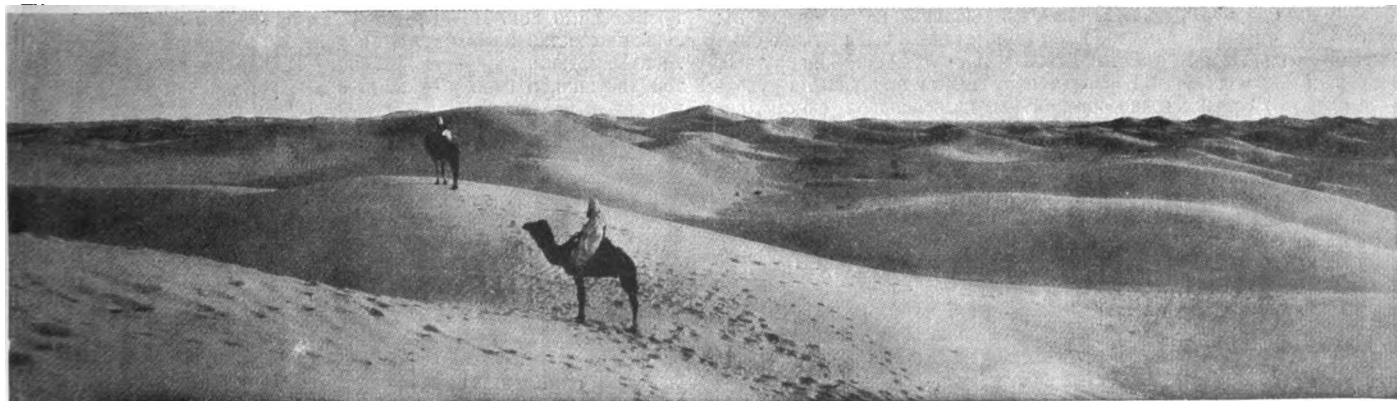
Что такое «флюидная» болѣзнь?.. Намъ волей-неволей приходится употребить это странное слово, потому что подходящаго русскаго слова не существуетъ, да и самыя болѣзни, названныя такимъ именемъ, до сихъ поръ никому не были извѣстны. Открылъ ихъ и предложилъ способъ ихъ лѣченія французскій врачъ Барадюкъ.

Названіе «флюидная» происходитъ отъ слова *fluide*—жидкость. Французы такъ называютъ всякія таинственныя истеченія, въ родѣ магнитическаго, электрическаго. Впрочемъ, и у насъ когда-то былъ принятъ этотъ терминъ; въ учебникахъ физики можно было найти «теорію двухъ магнитныхъ жидкостей». Электрическая энергія называлась и теперь называется «токомъ»; а что токъ, то, очевидно, жидкость. Такъ какъ болѣзни, открытыя Барадюкомъ, находятся въ связи съ токами, истеченіями, флюидами или жидкостями нашего организма, то имъ и подошло названіе флюидныхъ.

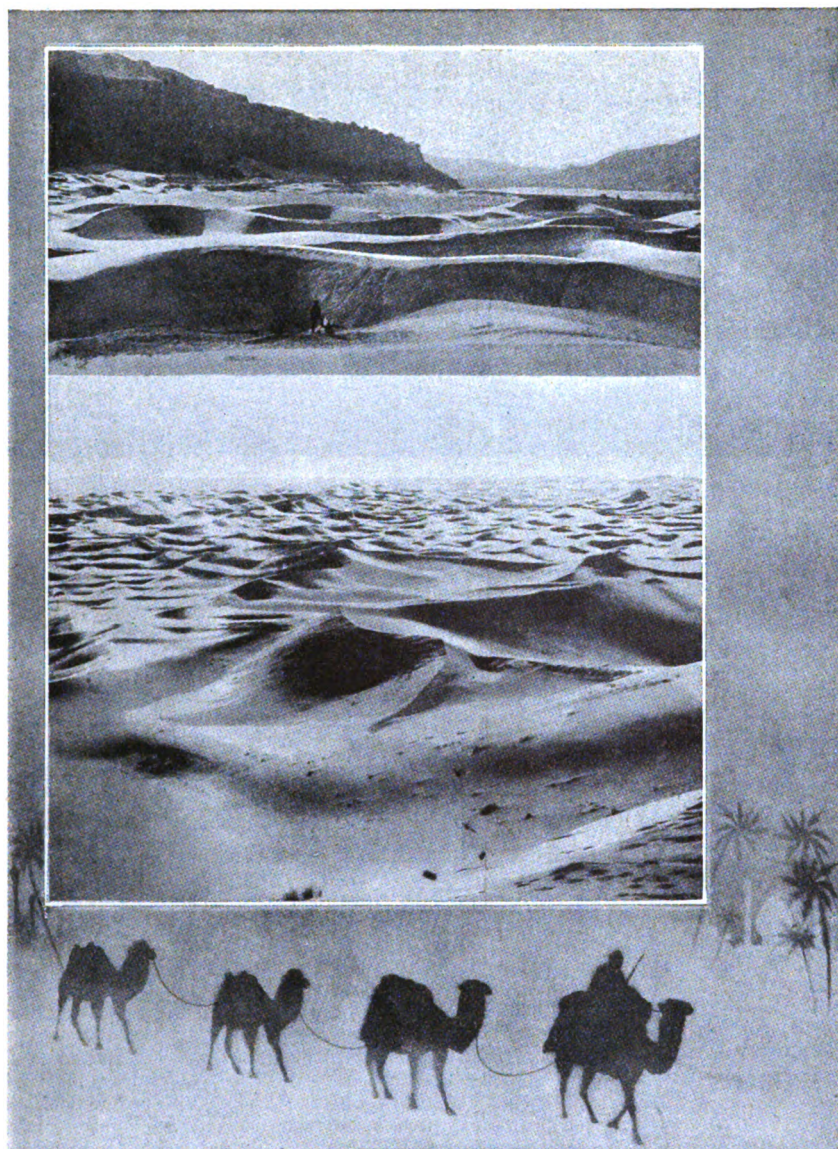
Барадюкъ впервые читалъ лекціи объ открытыхъ имъ болѣзняхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но тогда онъ еще не былъ вооруженъ фактами, практикой, и могъ сдѣлать только общій очеркъ своего ученія. Теперь онъ вновь читаетъ лекціи по этому предмету въ Парижской медицинскій школѣ и на этотъ разъ полнѣе развиваетъ свои выводы.

Съ самаго начала своей врачебной дѣятельности Барадюкъ былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые приемы и способы лѣченія даютъ въ однихъ случаяхъ превосходные результаты, а въ другихъ, повидимому, такихъ же точно случаяхъ сопровождаются полнѣйшею неудачею. Вотъ тогда-то ему и пришла мысль объ этихъ жидкостяхъ, флюидахъ или токахъ организма, которые должны обуславливать собою правильную работу разныхъ органовъ тѣла.

Всякому извѣстна одна жидкость или одинъ токъ въ нашемъ организмѣ: это—наша кровь. Но этотъ флюидъ матеріаленъ и осязаемъ; другой же, не матеріальный флюидъ—это электричество. Барадюкъ увѣренъ, что въ нашемъ организмѣ есть еще и другіе флюиды, что каждый существенный органъ тѣла обладаетъ своимъ особеннымъ флюидомъ. Обычную свою службу органъ несетъ самъ, но возбуждателемъ и управителемъ этой службы является флюидъ этого органа. При какомъ же необходимомъ условіи органъ будетъ дѣйствовать исправно? Очевидно, при томъ условіи, чтобы флюидъ органа былъ доброкачественный. Общая сумма работы всѣхъ флюидовъ организма и даетъ общую сумму жизни организма. Пока между флюидами царитъ доброе согласіе,—все идетъ исправно; какъ только гармонія нарушилась,—жизнь организма нарушила свое правильное теченіе. Если же какой-нибудь флюидъ пришелъ въ неисправность, и вмѣстѣ съ нимъ вышла заминка въ правильную

Песчаная волна. Фотографический снимок с песчаных дюн в Сахаре.

Песчаная волна. 1) Песчаные волнообразные наносы в долине Колумбии.
2) Море песка в Сахаре и его волны.

работы органа, то, очевидно, надо лечить не самый этот орган, а надо выгнать из него неисправно действующий флюид. Вот тут суть теории доктора Барадюка.

Прекрасно. Но для того, чтобы осуществить первые шаги применения этой теории, необходимо: во-первых, уметь обнаружить присутствие этих флюидов в органах тела и, во-вторых, обнаружить их неисправность. Как это совершить? Барадюк на это положительно отвечает, что флюиды распознаются посредством фотографин. Флюидная болезнь, по существу своему, болезнь химическая и, как таковая, должна оказывать влияние на фотографическую пластинку. Изображение же на пластинке может быть получено двумя способами: либо обычным, посредством камеры с объективом, либо непосредственно—без камеры, при чем пластинка обертывается в черную бумагу и либо прикладывается к телу, либо привешивается в той комнате, где находится снимаемый больной.

Снимки с «флюидов» Барадюк делит на 5 классов: 1) снимки с нервной пыли, которую выдвигает живая ткань сама по себе, без всякого участия духовных сил; 2) снимки округлой, шаровидной, расплывчатой формы, получаемые при участии духовной силы; 3) снимки волнообразной или полосовидной формы, соответствующие разным болезням; 4) снимки в виде червей, узлов, связок, получаемые при подавленном состоянии, при нервных беспорядках, и 5) снимки в виде шарика, которые обозначают здоровое состояние духа и даже дают возможность различать свойства духа или его настроение—доброту, откровенность и т. п., или же указывают на душевную немощь, начиная от простых, легких нарушений душевной деятельности до полного безумия.

Всякий человек, хотя бы и здоровый, по Барадюку, всегда окружен эфирным слоем, который он называет Vortex. Если человек здоров и спокоен, Vortex запечатлевается на фотографическом снимке в виде туманности; если он болен—в виде угловатых полос или завитков особой характерной формы. Для удачной съемки надо уметь уловить момент, да вдобавок—выбрать

такое место, где истечение флюида наиболее резко проявляется. И у фотографов профессиональных и любителей сплошь и рядом получается на снимке «вуаль», и они ее спокойно заретушевывают, не заботясь о ее значении. А эта вуаль, быть-может, и была снимком с флюида. (Но... иной скептик, пожалуй, спросит у д-ра Барадюка:—не были ли его флюидные отпечатки простой вуалью?)

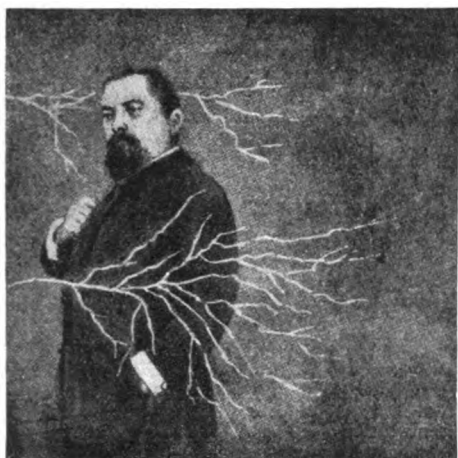
Но допустим, что снимок получен, и по его виду сделано заключение о том, что орган работает неправильно, и что это зависит от повреждения флюида того органа. В чем же должно состоять лечение? Надо удалить пришедший в неисправность флюид; но как это сделать? Барадюк употребляет для этого три средства: 1) водолечение, 2) окуривание, 3) огонь, в виде ярко-желтого освещения, либо в виде раскаленных пластинок.

Болезни «таракаума» (de la boule mentale), печальное настроение, умственное расстройство, зуд, ревматизм—лечатся огнем. Барадюк подвергал одну сумасшедшую действию желтого света. Сначала на снимках лицо больной вовсе не выходило, было словно задержано черной вуалью, а потом, в течение трех месяцев постепенно прояснилось, и когда наконец больная выздоровела, ее лицо вышло на снимках совершенно ясно. Против недугов, характеризующихся разными узловатыми и связанными формами на снимках, Барадюк употребляет раскаленную пластинку или лопатку, как он ее называет (la pelle ardente). Лопатка эта желзная, зубчатая по краям, с длинной ручкой, вправленную в дерево. Ее раскаляют добела и водят ее над головой и у лица больного сколь возможно ближе к телу; тут, надо полагать, происходит выжигание неисправного флюида. Дочь одного из деканов парижского университета страдала меланхолией и видимо увядала; подвергнутая лечению раскаленной лопаткой, она выздоровела через три недели. Другая больная, дама, страдала навязчивыми идеями и нервными болями в ухе; флюидный снимок с ней представлял что-то в роде змьи, кусавшей больную в затылок; горячая лопатка выличила ее от того и другого страдания.

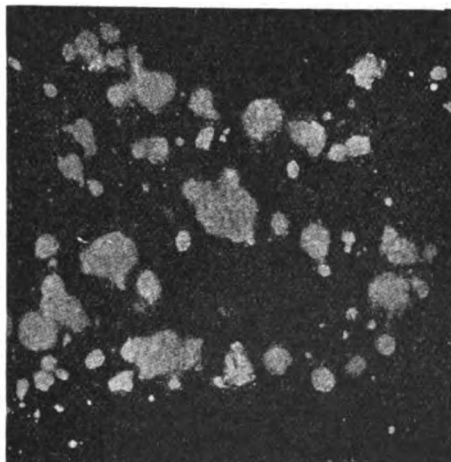
Окуривание благовониями (ладаном) применяется в заразных болезнях, особенно в тех случаях, когда больной страдает рвотой. Нервные болезни Барадюк использует так называемым крещением в соленой воде. В воду бросают крупинки грубой неочищенной соли и орошают этой водой больного, стараясь, чтобы крупинки соли попадали на его тело, еще не успев раствориться в воде.

Кроме флюидов разных органов, по утверждению Барадюка, в нашем теле есть еще особое начало, так называемый «элементаль». Он только изредка проявляется на фотографических снимках. Барадюк, впрочем, верит не только в свой «элементаль», но и в чудесные исцеления, которые совершаются во Франции. в знаменитом месте богомолья, Лурд. Он утверждает, что в атмосфере лурдского грота есть какие-то флюиды, давшие ему на фотографической пластинке престранные фигуры; на одном снимке, например, обозначилась кучка какой-то пыли, а посреди ее шарик значительной яркости; на других—только одни яркие шарики. Таких снимков он нигде в другом месте не получал, хотя часто употреблял те же пластинки и при таких же условиях, как в Лурде. Однако он делал снимок с больной двушки, очевидно, горячо вбровавшей в цыплящую силу лурдской святости: снимок был сделан в ту минуту, когда двушка с благоговием смотрела на св. дары, которые проносили мимо нее. По проявлению на пластинке по краям оказалось множество кружков, а в центре пластинки—широкая полоса. Барадюк толкует: кружочки—как отпечатки горячей врытой двушки, а полосу—как связь, установившуюся между ее мыслью и св. дарами.

Любопытно происшествие, случившееся у гроба сына Барадюка. С него было сделано два снимка. Один вышел обыкновенный, нормальный: гроб, расятие, цветы, лицо покойника—все вышло как следует. На другом же вышел только гроб, а все остальное завуалировалось полосами истечений, казалось, исходящих из гроба; эти полосы Барадюк толкует как изображения элементаров; они, по его мнению, вышли из тела покойного в самый момент фотографирования. Но, выйдя из тела, эти таинственные силы, раньше обитавшие в организм усопшего и там находившие себя применение, в момент выхода из него, очевидно, искали новой точки приложения, и это искание нашло себя выражение в необычайном происшествии. Фотограф делавший снимок, получил сильный удар как бы кулаком «под ложечку», т. е. в область желудка, а сиделка—в голову. Удар,

«Флюидныя болѣзни». Докторъ Барадюкъ, окруженный изображеніемъ флюида навязчивыхъ мыслей.

«Флюидныя болѣзни». Созвѣздіе изъ шариковъ и комочковъ—изображеніе флюида напряженной духовной силы.

пришедшійся на долю фотографа, заставилъ его цѣлыя сутки провести въ постели.

Всѣ эти любопытныя изслѣдованія д-ра Барадюка требуютъ, понятно, строгой научной проверки.

Эгерія.

Разсказъ

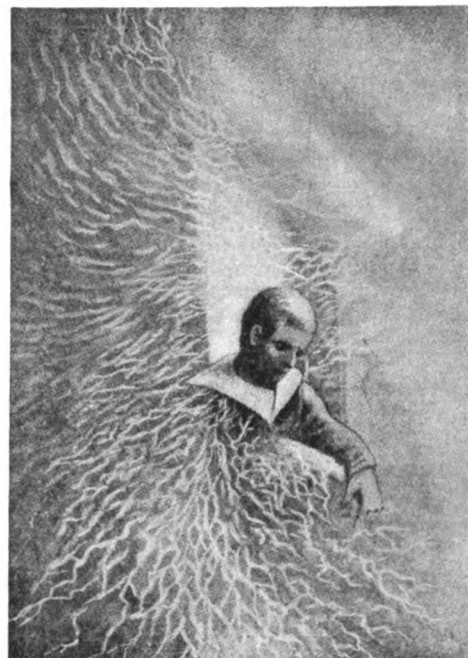
Маріи фонъ-Эбнеръ-Эшенбахъ.

Путешествуя по Швейцаріи, я встрѣтилъ замѣчательную супружескую чету. Стоило только мужу открыть ротъ, какъ жена уже спѣшила сказать: «ты полагаешь, что...» И всегда это оказывалось что-нибудь весьма толковое. Передъ красивымъ ландшафтомъ, передъ предметами искусства у него всегда рождались богатые мысли, которыя выражала словами жена. Онъ же только глубоко-мысленно кивалъ головою и подкидывалъ: «Совершенно вѣрно».

Однажды ей нездоровилось, и онъ явился къ табльдоту одинъ. У него была крайне странная привычка дѣлать лѣвой рукой — впрочемъ, очень красивой и холеной — небрежное движеніе, словно онъ давалъ что-нибудь, при чемъ онъ хранилъ какъ будто робкое молчаніе. Когда при немъ что-нибудь разсказывали, онъ всегда принималъ благосклонное, напряженно-внимательное выраженіе лица, поднималъ вверхъ брови и нѣсколько разъ поворачи-

«Флюидныя болѣзни». Выдѣленія «шарика ума» изъ организма пациентки д-ра Барадюка.

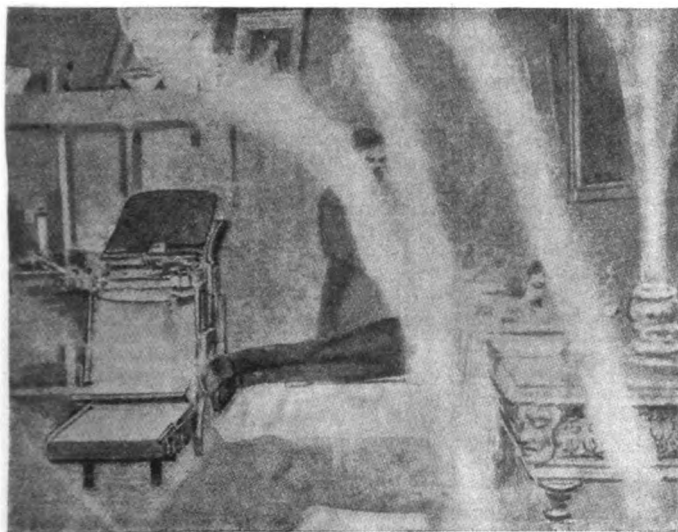

«Флюидныя болѣзни». Зернистый слой (Vortex) около тѣла человѣка.

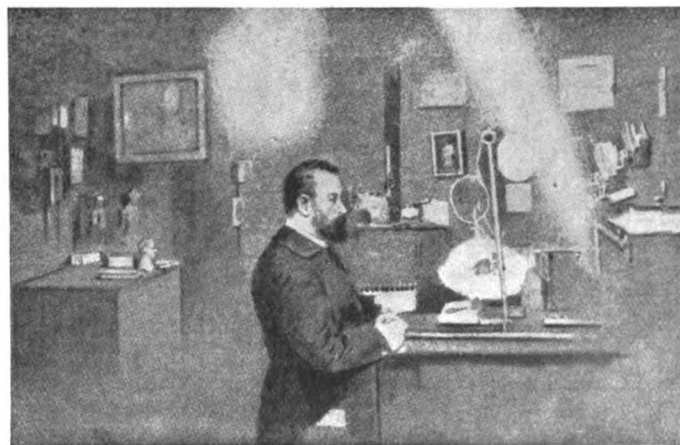
бросивъ на меня лукавый взглядъ:—какъ легко и быстро угадываетъ она мысли мужа, какъ хорошо его понимаетъ! Поразительно, не правда ли?»

— Несомнѣнно!—И мы оба разсмѣялись.

Онъ вообще былъ не простъ, поэтому всѣми силами старался прежде всего заручиться расположеніемъ супруга, что ему и удалось. Господинъ коммерціи совѣтникъ всегда милостиво улыбался ему, видя, что онъ уже издали почтительно ему кланяется, а

«Флюидныя болѣзни». Полосы изображенія «элементалей» въ операционной залѣ д-ра Барадюка.

«Флюидныя болѣзни». Д-ръ Барадюкъ и изображеніе его «шарика ума».

также поощрительно улыбался, слушая веселые рассказы француза. Но смяться он был способен так же, как кошка. Зато, когда мы оба, изъ любезности, конечно, громко смѣялись надъ рассказанными коммерціи совѣтникомъ анекдотами, соль которыхъ большею частью подчеркивала жена, по лицу его разливалось настоящее смяніе. Тогда жена смотрѣла на него съ нѣжнымъ торжествомъ, и въ серьезныхъ, кроткихъ глазахъ ея свѣтилось счастье.

Мнѣ повѣрялъ все ея молодой вздыхатель. Онъ то жаловался, то злился. «Она его любитъ! Она любить этого безмозглаго дури! Понимаете вы это?—любитъ!»

Это было загадкой и для меня, тѣмъ не менѣе я, кажется, все-таки разгадалъ ее. Она любила его трюкою любовью. Во-первыхъ, какъ прирожденная монархиня—какою она и казалась—своего вѣрнаго вассала; во-вторыхъ, какъ бездѣтная женщина, со вѣстмъ пыломъ накопившейся въ ней материнской любви... А какъ онъ относился къ этому! При людяхъ—покровительственно, снисходительно, наединѣ съ нею—чуть не на коленяхъ!.. Въ этомъ есть что-то... во всякомъ случаѣ оно не неблагородно... Давать такъ баловать себя и, въ то же время, обожать балующаго. Это встрѣчается не часто. Третья же любовь сильнѣйшая, нѣжнѣйшая. Это любовь художника къ своему произведенію. Вотъ какова любовь ея! Онъ—изданіе ея мыслей и, сознайтесь,—изданіе роскошное.

— Да, роскошное!—согласился онъ.—Этотъ господинъ коммерціи совѣтникъ, румяный и бѣлокурый, настоящее воплощеніе Германа, вожда херусковъ, какимъ его рисуетъ вашъ болѣзненный шовинизмъ.

Мнѣ не хотѣлось безнаказанно пропустить ему эту выходку.

— Она же вполне подходитъ къ идеалу Туснельды, какимъ мы себя его воображаемъ, хотя по внѣшности скорѣе подходитъ къ нему, нежели къ самому остроумнѣйшему и милѣйшему Вару!—сказалъ я и похлопалъ молодого человѣка по плечу.

Послѣ каждой вспышки гнѣва въ родѣ этой, онъ съ большимъ стараніемъ изощрялся въ искусствѣ обольщенія и замѣтно успѣвалъ въ глазахъ красивой молодой женщины. Она встрѣчала его болѣе чѣмъ пріятливо, отличала его отъ всѣхъ,—а обожателей у нея было немало.

Но случилось какъ-то, что онъ, въ порывѣ нетерпѣнія, самъ разрушилъ свое, съ такимъ расчетомъ и хитростью возведенное зданіе обольщенія. Несчастный только повторилъ особенно кичливо слова коммерціи совѣтника: «совершенно вѣрно», и съ злобой насмѣшкой прибавилъ:

— Не правда ли, господинъ коммерціи совѣтникъ, это дѣйствительно ваша собственная мысль?

Мужъ, озадаченный и сбитый съ толку, бросилъ на жену растерянный, безпомощный взглядъ, и Туснельда въ тотъ же мигъ испарилась. Влюбленный больше не добился отъ нея ни одного милостиваго взгляда. Все было кончено. Каждый изъ небрежныхъ кивковъ головою, которымъ она отвѣчала на его полныя молебны пріятствія, ясные слова говорили: «держитесь отъ меня подальше».

Въ Интерлакенѣ мы узнали, что супружеская чета послѣ обѣда собирается уѣхать. Я отправился проводить ихъ на железнодорожную станцію. Они успѣли сѣсть въ вагонъ, но, увидѣвъ меня, встали и подошли къ окну, и мы обмѣнялись любезностями. Вдругъ около меня откуда-то вынырнулъ великолѣпный букетъ изъ розъ. Бѣдняга хотѣлъ преподнести своей богинѣ послѣднюю дань своего благоговѣнія.

Но она даже не посмотрѣла на него, а вдругъ перешла на другую сторону вагона, гдѣ съ напряженнымъ вниманіемъ стала смотрѣть на стоявшій на запасномъ пути поездъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ любезно, право,—говорилъ коммерціи совѣтникъ.

Букетъ, nolens-volens, пришлось вручить ему, и онъ благосклонно его принялъ.

Локомотивъ запыхтѣлъ, колеса заскрипѣли. «Adieu!..» Въ одномъ изъ оконъ показалась красивая бѣлая рука и еще долго махала намъ платкомъ. Но, къ сожалѣнію, это была рука мужа!

Много лѣтъ спустя мнѣ снова пришлось встрѣтиться со своимъ прежнимъ попутчикомъ и опитъ-таки въ Швейцаріи. Онъ мнѣ называлъ себя, иначе я едва ли бы узналъ его. Цвѣтущій, пылающій здоровьемъ и жизнерадостностью, коммерціи совѣтникъ страшно измѣнился. Постарѣлъ, осунулся, даже сгорбился, какъ мнѣ показалось. Да, въ его пониженной фигурѣ было что-то новое, чужое, что-то сильное, могучее, производившее на меня странное, почти жуткое впечатлѣніе.

Онъ былъ одинъ. Я спросилъ о женѣ его.

— Ушла впередъ,—возразилъ онъ, но, замѣтивъ мое недоумѣніе, пояснилъ:—Опередила меня, ушла впередъ меня, какъ всегда и во всемъ. Другими словами—умерла!

На уста мои просились слова искренняго участія, но онъ тихимъ, спокойнымъ жестомъ отклонилъ ихъ, прибавивъ:

— Она родилась для высшей жизни, слѣдовало бы сказать.

— Она не вѣрила въ возрожденіе!—замѣтилъ я нерѣшительно и въ тонѣ вопроса.

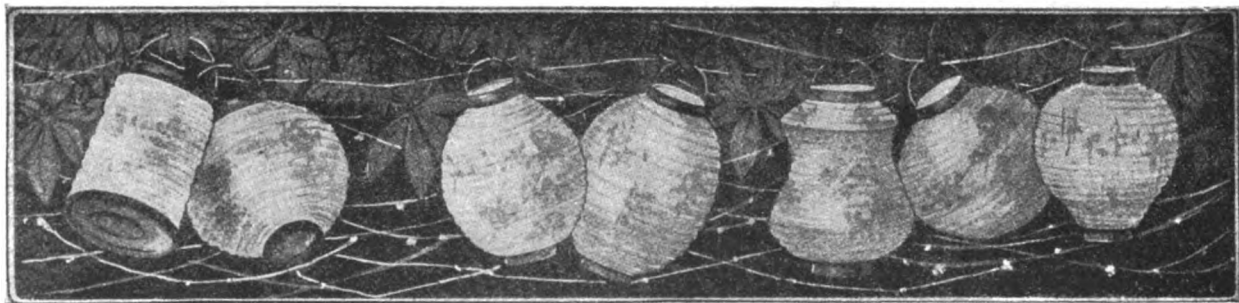
— Она—нѣтъ! Для нея смерть была концомъ всего, а мелкія понятія о возмездіи, о наказаніи она осмѣивала. Она жила, какъ святая, по душевной необходимости—это было свойство ея натуры. Теперь ея не стало, и думала она о вѣчной разлукѣ или не думала—но она все-таки еще здѣсь. По словамъ писанія: «любовь никогда не изсякаетъ», она здѣсь, она окружаетъ меня, я ежечасно переживаю это чудо. Откровеніе это нашло на меня впервые, когда она еще лежала на смертномъ одрѣ. Глаза ея уже начали мутиться, прекрасное лицо искажилось ужаснымъ, сардоническимъ смѣхомъ... Тогда я наклонился и запечатлѣлъ на устахъ ея долгій-долгий поцѣлуй. Когда я поднялъ голову и снова посмотрѣлъ на нее, уста ея озарились кроткой, блаженной улыбкой. Той же самой улыбкой, которая такъ очаровательно ласкала ихъ, когда я, будучи робкимъ женихомъ, влюбленнымъ,—поцѣловалъ ее впервые... Когда она лежала въ гробу и я долго и набожно смотрѣлъ на нее, чтобы навѣки и неизгладимо запечатлѣть въ памяти дорогія черты ея,—она вдругъ оживилась!.. Я видѣлъ это, буду видѣть всегда!.. По неподвижному, блѣдному, какъ мраморъ, лицу скользнуло теплое дыханіе...

Въ продолженіе нѣкотораго времени мы молча шли по дорогѣ. Это была та же самая, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошла моя первая встрѣча съ нимъ и съ его женою.

Вдругъ, какъ бы пробуждаясь отъ смутныхъ сновидѣній, онъ снова началъ:

— Разлучены—разлучены временно! Но разлука эта только кажущаяся. Въ дѣйствительности же мы соединены еще крѣпче, такъ какъ образуемой плоть границы больше не существуетъ. Она во мнѣ и виѣ меня—она парящій передо мной духъ. Я иду, ведомый ею. Оттуда, изъ свѣтлыхъ сферъ, въ существованіи которыхъ она сомнѣвалась, еще будучи пристрастна къ земному, она подниметъ меня къ себѣ, я стремлюсь къ ней, иду за ней—я еще стою у подошвы горы, но съ каждымъ днемъ дѣлаю шагъ впередъ—ближе и ближе къ ней.

Онъ остановился, простеръ руки и въ безмолвномъ восторгѣ уставился въ пространство. И тутъ мнѣ бросилось въ глаза нѣчто удивительное. Я всегда находилъ между истинно-германскимъ типомъ лица супруговъ нѣкоторое сходство. Теперь же лицо его нѣсколько удлинилось, сузилось, казалось тоньше, отчего сходство съ покойной еще усилилось. Но еще болѣе внѣшняго выступало духовное сходство—и такое удивительное, поражающее сходство съ преждевременно угасшей, что мнѣ казалось, будто въ его глазахъ свѣтилась ея душа.

Китаецъ Миллеръ.

Рассказъ Гарри Шиффа.

I.

Не такъ давно еще, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ съ всевозможными почестями встрѣчали и провожали престарѣлаго Ли-Хунъ-Чанга. Монархи и ихъ министры, президенты республикъ, представители учреждений, промышленности, науки, люди, которымъ это было необходимо, и люди вовсе въ этомъ не нужда-

вшиеся,—всѣ наперерывъ изощрялись въ выраженіи своего почтенія хитрому мандарину, «Бисмарку Небесной имперіи». Во время своего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, этотъ путешествующій китаецъ также сосредоточивалъ на себѣ весь интересъ публики. Въ честь его устраивались блестящія празднества, всѣмъ хотѣлось его видѣть, посмотрѣть на него хотѣ-

издали, президент поспѣшил прѣхать изъ Вашингтона въ Нью-Йоркъ, чтобы привѣтствовать его отъ имени всей націи, портреты Ли-Хун-Чанга помѣшались во всѣхъ журналахъ и газетахъ, красовались во всѣхъ витринахъ, словомъ, имя его было на устахъ у всѣхъ и каждого.

Какой контрастъ для равнодушнаго наблюдателя! Одинъ китаецъ, всеобщій баловень, чувствуется и превозносится чуть ли не до небесъ, между тѣмъ какъ *другіе китайцы*, живущіе въ Нью-Йоркѣ, — общее количество ихъ простирается чуть ли не до милліона, — его соотечественники, братья, считаются отверженными, презираемыми и до невѣроятности забыты. Американцы всегда смотрѣли и будутъ смотрѣть на китайцевъ, какъ на отверженныхъ, хотя и охотно соглашались, что они прекрасные работники, какъ земледѣльцы, такъ и промышленники, а главнымъ образомъ превосходные домашніе слуги. Тѣмъ не менѣе они ненавидѣли ихъ за ихъ умѣренность, нечистоплотность, за упорное поддержаніе религиозныхъ обрядовъ, вообще за ихъ несимпатичный для американца образъ жизни.

Въ большихъ городахъ Америки, особенно въ Санъ-Франциско и Нью-Йоркѣ, строго слѣдуетъ за тѣмъ, чтобы китайцы жили отдѣльно и ютились только въ извѣстныхъ кварталахъ. Такимъ образомъ въ Нью-Йоркѣ и образовался извѣстный знаменитый кварталъ «Chinatown», кварталъ отверженной желтой расы.

Здѣсь можно было наблюдать снующихъ взадъ и впередъ китайцевъ, въ бѣлыхъ бумажныхъ гамашахъ, покрывающихъ ихъ ноги до щиколки какъ броней, въ тяжелыхъ башмакахъ на деревянной подошвѣ, въ широкихъ шароварахъ, коричневыхъ или зеленыхъ камзолахъ, съ круглыми шапочками или громадными соломяными шляпами, а главное — съ красой и гордостью ихъ націи — длинной косой. Женщины встрѣчались рѣдко и двигались медленной, неуклюжей походкой, одѣтые какъ мужчины и большею частью сильно нарумяненные.

Въ улицахъ китайскаго квартала Нью-Йорка встрѣчается масса лавокъ, въ которыхъ китайцы продаютъ издѣлія своей родины, въ томъ числѣ замысловатая игрушка и разныя интересныя мелочи. А за этими лавками находятся громадныя склады, съ пестрыми вывѣсками, гдѣ можно найти все необходимое для существованія китаецъ. Тутъ есть и мясныя лавки, съ жирными колбасами, кусками кошачьяго мяса, свиными потрохами и другими деликатесами, затѣмъ чайныя, рестораны, цырюльни, въ которыхъ бреютъ головы и лица съ неимоверною быстротою, столовыя съ настѣжъ открытыми дверями, гдѣ тѣсно ютятся другъ около друга, сидятъ китаецъ-нахлѣбники, замѣчательно проворно и ловко справляющіеся съ замѣняющими ножи и вилки палочками. Изъ верхнихъ этажей раздаются звуки музыки, скорѣе похожіе на пискъ или скрипъ, извлекаемые изъ инструмента, формой напоминающаго нашу арфу.

Большая часть обитателей «Chinatown» очень бѣдна, а кто не бѣденъ, тотъ старается жить такъ, чтобы казаться бѣднымъ. При плохомъ питаніи люди эти работаютъ неутомимо, не позволяя себѣ отдохнуть даже одинъ день въ недѣлю. Единственная цѣль ихъ жизни — накопить небольшую сумму, чтобы возвратиться въ Китай и сложить свои кости на покой въ родную землю.

Долларъ! Душа китаецъ жаждетъ его такъ же горячо и непрестанно, какъ и душа американца. За долларъ сынъ Небесной имперіи готовъ претерпѣть всевозможныя насмѣшки и глумленія надъ своей личностью; онъ дастъ запрячь себя въ тяжелую, продолжающуюся день и ночь работу; ради доллара онъ даже, среди всеобщей цивилизаціи, остается отверженнымъ кули, каковымъ былъ по ту сторону Тихаго океана.

Но какъ часто у него отнимаютъ даже и это жалкое пріобрѣтеніе. Если онъ самъ избѣжитъ соблазна проиграть свой заработокъ до послѣдняго цента въ одномъ изъ безчисленныхъ игорныхъ вертеповъ китайскаго квартала, то его подстергаетъ какой-нибудь отщепенецъ всемірнаго города, чтобы въ одинъ мигъ, хитростью или силой отнять у бѣдняка жалкіе плоды усиланныхъ трудовъ его.

Постому китайскій кварталъ въ Нью-Йоркѣ извѣстенъ, какъ мѣсто пребываніе подонковъ общества, какъ разсадникъ всѣхъ безпорядковъ и пріютъ преступниковъ. На всѣхъ углахъ главныхъ улицъ его, Моотъ-Пель или Дойеръ-стритъ, день и ночь дежурятъ полицейскіе, провожающіе пытливымъ взоромъ каждого, вступающаго въ китайскій кварталъ. Почти не бывало, чтобы туда когда-нибудь забрела порядочная женщина...

Однимъ изъ бѣднѣйшихъ среди бѣдныхъ китайцевъ слылъ Куонъ-Айку.

Какъ большая часть китайцевъ, онъ занимался стиркой бѣлья и жилъ въ подвалѣ ветхаго дома на Пель-стритъ уже около двадцати пяти лѣтъ.

Въ то время китайцы массами начали заниматься этимъ промысломъ, и по сіе время представляющимъ одну изъ главныхъ статей ихъ дохода въ Америкѣ. Эти китайскія прачки встрѣчаются нынѣ въ Нью-Йоркѣ на каждомъ шагу, берутъ за труды только половину того, что приходится платить французскимъ или нѣмецкимъ прачкамъ, зато давно уже не тайна, что поразительная бѣдность и блѣдность бѣлья, выходящаго изъ-подъ рукъ китаецъ-прачки, пріобрѣтается только въ ущербъ ткани, такъ что часто совершенно новая сорочка распадается уже послѣ третьей или даже второй стирки.

Однако тридцать лѣтъ тому назадъ, когда китайцы-прачки еще

были новостью, всѣ стремились обращаться къ нимъ, отчасти изъ любопытства, отчасти ради оригинальности, и монголы, достаточно предприимчивые, чтобы рѣшиться проникнуть въ американскіе кварталы и начать тамъ прачечное дѣло, скоро богатыми и пріобрѣтали довольно солидныя состоянія. Не везло только бѣдному Куонъ-Айку. Онъ къ такимъ счастливымъ не принадлежалъ.

У него не хватало духа предприимчивости, не хватало способности хоть сколько-нибудь приноравливаться къ чужестраннымъ требованіямъ. Это была странная, робкая и крайне несообщительная натура, и главный недостатокъ его земляковъ — полнѣйшее и совершенно непонятное для насъ, культурныхъ людей, отсутствіе всякихъ потребностей достигало у него зенита. Куонъ-Айку нуженъ былъ для жизни только воздухъ, которымъ онъ дышалъ, гладильная доска, на которой онъ также и спалъ, и небольшое количество рису для его питанія. Ко всему остальному онъ относился какъ настоящій философъ и, обрабатывая бѣлье валькомъ или утюгомъ, размышлялъ надъ разрѣшеніемъ мудренѣйшихъ задачъ жизни. При такихъ наклонностяхъ онъ, конечно, остался холодитъ, да и едва ли на всемъ земномъ шарѣ нашлась бы женщина, готовая сдѣлаться мистриссъ Куонъ-Айкъ, такъ какъ онъ отличался замѣчательнымъ безобразіемъ. Лицо его напоминало выжатый лимонъ, а фигура имѣла что-то обезьянье, къ тому же ему уже перевалило за четвертый десятокъ.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ, когда на дворѣ особенно буйствовала снѣжная метель, Куонъ-Айкъ, по обыкновенію, стоялъ за гладильной доской и усталой рукой доглаживалъ бѣлье. День былъ субботній, а въ воскресенье утромъ заходили давальцы и уносили тщательно завернутое въ чистую бумагу, готовое бѣлье. Небольшое подвальное помѣщеніе съ низкимъ потолкомъ, служившее китаецу рабочимъ кабинетомъ, прачечной, спальней и пріемной, согрѣвалось небольшой желѣзной печью и освѣщалось спускавшейся съ потолка керосиновой лампой. Несмотря на проникавшій съ улицы холодъ, дверь его «laundry» *) была открыта настѣжъ, чтобы люди, желавшіе отдать въ стирку бѣлье, сразу увидали, что здѣсь прачечная. По временамъ въ дверяхъ появлялась улыбающаяся фізіономія земляка, мимоходомъ сообщавшаго Куонъ-Айку какую-нибудь интересную новость или трунившего надъ его чрезмѣрнымъ трудолюбіемъ.

Вдругъ китаецъ услышалъ англійскую рѣчь, которую онъ успѣлъ усвоить настолько, чтобы хоть какъ-нибудь объясняться съ давальцами.

— Скорѣ примите бѣлье, сэръ, — сказала женскій голосъ на порогѣ дверей.

Куонъ-Айкъ, даже не поднявъ головы, поспѣшно разорвалъ пополамъ исписанную краснымъ карандашомъ бумагу, подаль одну часть ея, какъ квитанцію, взамѣнъ принятаго бѣлья, а другую приколотъ къ поданному ему свертку. На даму же, подавшую ему этотъ свертокъ, онъ почти не обратилъ вниманія, хотя узелъ былъ довольно объемистый. Она взяла отъ него квитанцію и положила ее въ карманъ.

— Въ среду, милэди, — сказалъ онъ — въ среду бѣлье ваше будетъ готово.

— All right! — раздалось сверху, затѣмъ фигура стоявшей на порогѣ женщины исчезла.

Куонъ-Айкъ положилъ узелъ около себя на столъ и еще разъ посмотрѣлъ на прикрѣпленную къ нему половинку квитанціи. Вдругъ онъ въ недоумѣніи оглянулся. Что это? Вѣдь его кошечка окололѣла уже недѣли двѣ тому назадъ, откуда же этотъ странный пискъ?

Онъ покачалъ головою и снова прислушался. Вдругъ его придурковатое лицо озарилось догадкой. Огромный ротъ его растянулся отъ одного уха до другого, расплываясь въ широкую улыбку, а черные глазки подозрительно покосились на лежавшій передъ нимъ узелъ.

Да! Нѣтъ сомнѣнія — тихій пискъ раздается оттуда — и только оттуда! Но что же это можетъ быть? Съ минуту почтенный Куонъ-Айкъ колебался, раздумывая, не лучше ли ему убожать подъ защитой маленькаго домашняго алтара, гдѣ на треугольной дощечкѣ стоялъ вылѣпленный изъ глины и пестро раскрашенный маленькій идолъ, но благоразуміе взяло верхъ, и онъ быстро началъ развязывать узелъ.

Съ губъ его сорвался неопредѣленный звукъ не то ужаса, не то удивленія. Въ узлѣ съ бѣльемъ, переданнымъ бѣдному китаецу, которое онъ обещалъ приготовить къ будущей средѣ, въ бѣленьихъ какъ снѣгъ пеленкахъ, копошился крошечный, новорожденный мальчикъ!..

Немного оправившись отъ испуга и неожиданности, китаецъ началъ обстоятельно разсматривать свою находку и пришелъ къ заключенію, что ребенку, вѣроятно, около шести недѣль, и что онъ принадлежитъ къ кавказскому племени. Но вотъ и все, что удалось узнать Куонъ-Айку, такъ какъ изъ того, что было написано на бумагѣ, найденной на груди ребенка, онъ ровно ничего не понималъ.

Повертѣвъ ее нѣсколько минутъ въ рукахъ, онъ тщательно спрятавъ ее и снова обратилъ все свое вниманіе на малютку.

Мальчишка ему понравился. Онъ весело барахтался ножонками и ручонками, корчилъ уморительныя гримасы и наконецъ смор-

*) Прачечное заведеніе.

шить рожицу въ безсознательную улыбку и сжалъ въ кулачки ручонки.

Сердце Куонъ-Айка трепетно забилось. Ему вдругъ показалось, что его подвальное помѣщеніе сдѣлалось свѣтлѣе, обширнѣе, что будто изъ печи пахнуло особеннымъ тепломъ, и что самъ онъ, Куонъ-Айкъ, на котораго не обращали даже вниманія и презрѣннѣйшіе изъ китайскихъ кули, сразу приобрѣлъ известную важность. Не удивительно,—вѣдь ему въ первый разъ въ жизни предстояло нести отвѣтственность за жизнь другого существа.

— Сынокъ!—пробормоталъ онъ.—Сынокъ... сынокъ Куонъ-Айка!

И онъ рѣшилъ, что не станеть объявлять о подкидышѣ въ полицію, а воспитать его самъ, посвятить ему каждую свободную минуту, будетъ дѣлать съ нимъ свой скудный заработокъ и выраститъ себѣ товарища, помощника, друга, сына. Да—сына!

Рѣшеніе это онъ подтвердилъ тѣмъ, что тотчасъ же поспѣшилъ купить лучшее молоко, какое только нашлось въ китайскомъ кварталѣ, тщательно вскипятилъ его и осторожно напоилъ имъ проголодавашаго ребенка. И это человеколюбивое дѣйствіе было первымъ звеномъ той длинной цѣпи нѣжныхъ заботъ и попеченій, которыми китаецъ окружилъ маленькаго безвѣстнаго пришельца.

Самую большую заботу причинялъ случайному отцу выборъ имени для своего сыночка. Слишкомъ совѣтливый для того, чтобы навязать ему китайское имя, бѣдный Куонъ-Айкъ былъ въ страшномъ затрудненіи, какое американское имя выбрать для мальчика, такъ какъ всѣ они представляли для языка его большую трудность. Размышляя объ этомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, онъ вдругъ вспомнилъ о найденной при ребенкѣ запискѣ. Да, да, конечно, она поможетъ ему разрѣшить загадку.

Въ этотъ день Куонъ-Айкъ закрылъ свою прачечную ранѣе обыкновеннаго и отправился къ почтенному, крайне образованному земляку, занимавшему должность толмача въ мѣстномъ судѣ. Предъявивъ ему найденную записку, онъ попросилъ его прочесть, что тамъ написано. Долго разсматривалъ ее ученый китаецъ и наконецъ замѣтилъ, что съ достовѣрностью можетъ сказать только то, что она писана не по-английски. Такимъ объясненіемъ Куонъ-Айкъ, конечно, не могъ удовлетвориться, такъ какъ зналъ это и самъ. По просьбѣ его толмачъ обратился въ иностранное учрежденіе, гдѣ наконецъ и объяснили, что нѣсколько написанныхъ по-нѣмецки на листочкѣ словъ означали: — «Имя этого мальчика Георгъ Миллеръ».

Миллеръ! Миллеръ! Простота этого имени какъ нельзя болѣе соответствовала желаніямъ Куонъ-Айка, тѣмъ болѣе, что толмачъ увѣрилъ его, что это имя очень популярно въ Германіи, и что многіе стремятся носить его. Вслѣдствіе этого китаецъ сталъ называть своего пріемыша просто Миллеромъ.

Китаецъ Миллеръ выросъ и сдѣлался красивымъ, сильнымъ юношей. Онъ былъ не только гордостью своего пріемнаго отца, но и всего китайскаго квартала. Когда молодой малый, въ китайскомъ костюмѣ, съ великолѣпной блокурой косой, проходилъ по улицамъ китайскаго квартала, весело и жизнерадостно смотря на міръ Божій своими ясными голубыми глазами, находя для каждого ласковое слово, дружескій привѣтъ, всегда готовый услужить или угодить кому бы то ни было,—кто не восхищался имъ? Кто не благоволитъ къ нему?

Онъ, дѣйствительно, былъ всеобщимъ любимцемъ, начиная съ богача чайнаго торговца и кончая самымъ жалкимъ кули, и могъ быть увѣреннымъ, что въ каждомъ домѣ будетъ желаннымъ гостемъ. Между тѣмъ и для жителей Нью-Йорка онъ представлялъ предметъ интереснаго наблюденія. Они то и дѣло являлись въ прачечную Куонъ-Айка поглядѣть на блокураго китаица, послушать диковинный рассказъ о его появленіи въ прачечной, и не уставали бесѣдовать по-английски съ умнѣйшимъ мальчикомъ, изучившимъ этотъ языкъ въ народной школѣ.

Но такъ какъ любопытнымъ было неудобно, безъ предлога, приходить въ прачечную, то они оправдывали свое появленіе отдалей въ стирку бѣлья. Вскорѣ въ подвальномъ помѣщеніи Куонъ-Айка появилось столько бѣлья, что ему пришлось нанять помѣщеніе въ первомъ этажѣ и взять себѣ еще помощника. Однако черезъ нѣкоторое время и этого оказалось недостаточно, а пришлось еще болѣе расширить дѣло. Вскорѣ въ Моттстритъ, въ хорошо известномъ «laundry» Куонъ-Айка, кромѣ самого хозяина и его пріемнаго сына, непрерывно работало еще шесть китайцевъ-помощниковъ.

Да, малѣйшій, безпомощно копошившійся въ пеленкахъ подкидышъ принесъ своему пріемному отцу счастье. Онъ былъ щедро награжденъ за самоотверженную любовь къ бѣдному, брошенному жестокими родителями малюткѣ, и эта любовь видимо заслужила благословеніе свыше. Когда китаицу Миллеру исполнилось семнадцать лѣтъ, Куонъ-Айкъ считался самымъ богатымъ китаицемъ въ Нью-Йоркѣ.

II.

Однажды вечеромъ, въ февралѣ 1888 года, китаецъ съ своимъ пріемышемъ находились одни въ просторной лавкѣ, служившей пріемной для кліентовъ, отдававшихъ бѣлье въ стирку и получающихъ его обратно. Помѣщеніе было ярко освѣщено, хорошо прогрѣто. Куонъ-Айкъ, окончивъ работу, по обыкновенію сидѣлъ около печки на низенькой табуреткѣ и, осѣдлавъ носъ большими очками въ роговой оправѣ, читалъ китайскій трактатъ о мудрыхъ изреченіяхъ Конфуція, въ то время какъ Миллеръ аккуратно за-

вертывать въ чистую бумагу и перевязывать бѣлое какъ снѣгъ бѣлье.

Мысли юноши витали въ совершенно иномъ направленіи отъ Конфуція, то-есть около хорошенькой молодой особы женскаго пола, не имѣющей ничего общаго съ великимъ учителемъ китаицевъ. У ней были каріе глаза, мягкіе волнистые волосы и плутовскія ямки на щекахъ. Въ хорошую погоду она постоянно наталясь въ шикарную коляска по Центральному парку.

Этимъ ограничивалось все, что до сихъ поръ зналъ Миллеръ о своемъ идеалѣ. Онъ встрѣтился съ ней какъ-то случайно, она привѣтливо взглянула на блокураго китаица, на другой день это повторилось, а затѣмъ—затѣмъ ежедневно, въ полдень, юноша сталъ исчезать изъ прачечной, чтобы, къ великому удивленію Куонъ-Айка, подышать свѣжимъ воздухомъ въ Центральномъ паркѣ и тѣмъ-нѣскольکو облегчить мучившую его надолгую головную боль.

Молодые люди, встрѣчаясь, улыбались другъ другу, но еще не разговаривали.

— Должно-быть, будетъ снѣгъ!—обратился Куонъ-Айкъ въ пріемышу, закрывая книгу.—Вотъ ужъ начали падать бѣлые хлопья. Пора закрыть дверь и отправиться наверхъ пить чай. Сегодня навѣрное никто болѣе не принесетъ бѣлья.

— Хорошо, батюшка, я пойду впередъ, заварю чай и приготовлю тебѣ трубку.

Съ этими словами Миллеръ вышелъ изъ лавки, и скорѣ слышно было, какъ подъ его тяжелыми шагами заскрипѣли ступени деревянной лѣстницы.

Куонъ-Айкъ поправилъ на носу очки и съ любовью посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Его послали мнѣ сами боги!—пробормоталъ онъ.—Они жалелись надъ моимъ одиночествомъ. А вмѣстѣ съ нимъ пришло ко мнѣ и счастье, то счастье, которое люди называютъ деньгами. Только бы богамъ не вздумалось за что-нибудь покарать меня, а если даже, я дѣйствительно чѣмъ-нибудь разгнѣвалъ ихъ, то пусть они отнимутъ у меня это счастье, отнимутъ все мое богатство, но не сына. Съ нимъ я разстанусь только вмѣстѣ съ жизнью!

Черные глаза старика невольно заволоклись слезами, и онъ снялъ очки, чтобы протереть ихъ. Въ это время съ улицы раздался шумъ подѣхавшаго экипажа, окликъ кучера, остановившаго лошадей, а минуту спустя передъ китаицемъ стояла богато одѣтая, уже немолодая женщина.

— Вы Куонъ-Айкъ?—спросила незнакомка.

Китаецъ медленно надѣлъ очки и утвердительно кивнулъ головою. Дама въ роскошной шубѣ пылivelyмъ взоромъ лавку, затѣмъ открыла небольшую сумку и, вынувъ изъ нея пожелтѣвшій листокъ бумаги, на которомъ еще виднѣлись китайскія букувы, протянула ее китаицу.

— Прошу васъ, возвратите мнѣ то, что я отдала вамъ семнадцать лѣтъ тому назадъ!—сказала она неувѣреннымъ голосомъ.

Лишь только китаецъ бросилъ взглядъ на пожелтѣвшій листокъ, какъ отскочилъ, словно его ударили по головѣ обухомъ. Листокъ упалъ на полъ.

— Чего вы требуете, миледи?—пробормоталъ онъ.—Эта квантія... это... она...

— Вы сами выдали мнѣ ее, не такъ ли?—допытывалась незнакомка.

— Да, я самъ... это... это мой почеркъ! Значитъ, вы та женщина, которая семнадцать лѣтъ тому назадъ подкинула мнѣ въ домъ ребенка? О! Вы поступили безчеловѣчно, безжалостно! Бросить такое милое дитя... такое нѣжное, безпомощное существо... едва только успѣвшее родиться,—стыдитесь, сударыни!

Дама на мгновеніе опустила голову, но тотчасъ же снова съ увѣренностью подняла ее.

— Я знаю,—сказала она:—знаю, что я вамъ безмѣрно обязана, и можете быть увѣрены, что я вознагражу васъ по-книжески. Но въ то время я находилась подъ ужаснымъ гнетомъ и не могла поступить иначе, мнѣ нужно было избавиться отъ ребенка во что бы то ни стало, теперь же, о, теперь—не медлите болѣе! Дайте мнѣ обнять моего сына, дайте мнѣ взять его съ собою!

Старый китаецъ всыхнулъ, и глаза его засверкали недобырымъ огнемъ.

— Вы хотите взять его? Взять его съ собою, миледи?—произнесъ онъ черезъ силу.—Хотите отнять у меня сына? Отнять послѣ столько лѣтъ, послѣ того какъ я семнадцать лѣтъ былъ ему любящимъ отцомъ, наставникомъ, другомъ, когда она твердо стала на ноги, вы вдругъ вздумали явиться и сказать ему: «Я твоя мать, я родила тебя, но ты мнѣ мѣшалъ, ты былъ мнѣ въ тягость, и я бросила тебя на произволъ судьбы. Теперь же, когда ты выросъ, сталъ красивымъ и пригожимъ, ты мнѣ нравишься, и я хочу взять тебя обратно». И вы полагаете, миледи, что онъ пойдетъ съ вами, вы это полагаете?

— Да, полагаю, потому что голосъ крови сильнѣе всякой призрачности.

— Вы ошибаетесь, миледи,—воскликнулъ вдругъ молодой, свѣжій голосъ.—Отецъ разсказалъ мнѣ, какъ ему меня подкинули въ уазѣ съ бѣльемъ, какъ меня бросили, безпомощнаго, на руки бѣднаго китаица. Если бы не онъ, миледи, то я навѣрное погибъ бы жалкою смертью!

Дама зашаталась и поблѣднѣла. Передъ ней, скрестивъ на груди руки, стоялъ сынъ и смотрѣлъ на нее холоднымъ, мрачнымъ взоромъ.

— Сынъ мой!.. дитя мое!—воскликнула дама, простирая къ юношѣ

руки, но сын и не думал упастъ въ ея объятія: напротивъ, онъ крѣпко схватилъ руку стараго китайца и сказалъ:

— Вотъ отецъ мой, милѣди, и я у него останусь!

И онъ остался непреклоннымъ. Ни слезы, ни мольбы матери, ни перспектива ожидающей его блестящей жизни, ничто не могло поколебать его рѣшенія. Куонъ-Айкъ же во все время не проронилъ ни слова.

Тогда мать рѣшительно осушила слезы и твердымъ голосомъ сказала:

— Значить, ты не хочешь возвратиться къ родной матери, сынтъ мой? Хорошо же! Я верну тебя силою. Мистеръ Куонъ-Айкъ, мы встрѣтимся съ вами въ судѣ.

Съ этими словами она наклонилась, подняла съ полу пожелтѣвшую квитанцію и заручившись этимъ неопровержимымъ доказательствомъ, быстро вышла изъ дома китайца.

Въ лавкѣ же стоялъ Куонъ-Айкъ и крѣпко сжималъ въ своихъ объятіяхъ сына, напечатывая изреченія Конфуція, какъ это принято дѣлать въ Китаѣ, чтобы выкурить изъ дома злого духа, заразную болѣзнь или отвратить большое несчастье.

На слѣдующій день Куонъ-Айкъ посѣтилъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ городѣ адвокатовъ. Господинъ этотъ до того импонировалъ ему своимъ спокойнымъ достоинствомъ, что, забывъ о своемъ намѣреніи обойтись съ нимъ какъ можно рѣзче, онъ пригласилъ его въ гостиную во второмъ этажѣ, куда за ними послѣдовалъ и Миллеръ. Когда всѣ трое усѣлись, адвокатъ началъ:

— Я пришелъ къ вамъ,—сказалъ онъ,—съ самыми благими намереніями, мистеръ Миллеръ, пришелъ передать вамъ причины, вызвавшія поступокъ вашей матери, могущія сего не совѣмъ оправдать, то все же представить ее менѣе виновной въ глазахъ вашихъ. Ваши родители прибыли въ эту страну искать счастья. Это было восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Ваша мать, противъ воли родителей, отдала свою руку и сердце цирковому наѣзднику и, несмотря на его грубое съ ней обращеніе, была привязана къ мужу всей душой и даже послѣдовала за нимъ въ Америку. Въ угоду ему она даже сдѣлалась гимнасткой на трапеціи, а такъ какъ она была красивая, видная женщина, то супруги разсчитывали получить здѣсь весьма выгодный ангажементъ. Однако надежды ихъ не оправдались, здѣсь все было переполнено, и, истративъ послѣдній, небольшой капиталъ свой, они познали горькую нужду и бѣдность. Стѣсненные обстоятельства ихъ еще усугубились рожденіемъ мальчика. Синьоръ Сатанелли, или, лучше сказать, Павелъ Миллеръ, приписалъ всѣ неудачи и невзгоды появленію на свѣтъ ни въ чемъ неповиннаго ребенка и просто возненавидѣлъ несчастное маленькое созданіе, а въ одинъ прекрасный день напрямикъ объявилъ женѣ, что уѣдетъ одинъ искать по свѣту счастья, если она, такъ или иначе, не сплавитъ своего ребенка. Онъ рѣшилъ отправиться на присіски въ Колорадо, гдѣ даже жена будетъ для него обузой, а ужъ про грудного ребенка и говорить нечего. Несчастная женщина на колѣняхъ умоляла мужа не ставить ей такихъ тяжелыхъ условій, но онъ остался непреклоннымъ. Тогда она приняла ужасное рѣшеніе. Она запрятала ребенка въ узелъ съ бѣльемъ и ходила съ нимъ отъ одного воспитательнаго дома въ другой, со слезами умоляя чиновниковъ взять у нея ребенка, такъ какъ она слишкомъ бѣдна, чтобы воспитать его. Но ей вездѣ отказывали. Тѣмъ временемъ наступили сумерки. Близкая къ безумію, несчастная женщина побрела въ китайскій кварталъ, зная, что принести домой ребенка она не смѣетъ. На другое утро Сатанелли собрался уѣхать и, если она до тѣхъ поръ не будетъ «свободной», оставить ее на произволъ судьбы. Тѣмъ временемъ пошелъ снѣгъ и началась вьюга. Усталая, измученная женщина бродила по улицамъ, боясь, что ребенокъ замерзнетъ несмотря на накутанный на него тряпки. Вдругъ въ одномъ изъ подваловъ оказался свѣтъ. Она пошла на огонекъ, и—минутой спустя ребенокъ былъ въ вашихъ рукахъ, мистеръ Куонъ-Айкъ.

Адвокатъ на минуту умолкъ, чтобы посмотреть, какое впечатлѣніе произвелъ на обоихъ слушателей правдивый расказъ его, и не безъ тайнаго удовольствія замѣтилъ, что у юноши на глазахъ сверкали слезы. Но лицо стараго китайца было непроницаемо и невозмутимо.

— Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ,—снова началъ адвокатъ,—ваша мать, мистеръ Миллеръ, вмѣстѣ съ Сатанелли странствовала по Востоку. Супругамъ нигдѣ не везло, къ тому же несчастной женщинѣ приходилось много терпѣть отъ вспыльчиваго мужа. Онъ не только незаслуженно оскорблялъ ее, но иногда даже билъ. Наконецъ злодѣй постигла заслуженная кара. Его убили во время драки на присѣкахъ. Ваша мать искренно скорѣла о немъ, хотя любовь къ извергу давно угасла. Она не могла простить ему, что онъ разлучилъ ее съ любимымъ ребенкомъ. Теперь ей пришлось одной добывать себѣ пропитаніе. Она вспомнила о забытомъ искусствѣ, которому ее научилъ Сатанелли, и устроилась въ одномъ изъ бродячихъ цирковъ. Съ этой труппой отправилась она въ Австралію. Снова настали годы безцѣльнаго скитанія. Наконецъ явилось неожиданное счастье. Она познакомилась съ Мельбурнѣ съ богатымъ скотопромышленникомъ, вдовцомъ, который хотѣлъ дать своей дочери вторую мать. Молодая женщина очень ему понравилась, да и она искренно полюбила симпатичнаго человека. Они поженились. Послѣ этого мать ваша хотѣла-было навести справки о своемъ сынѣ и даже рѣшила сама отправиться въ Нью-Йоркъ, но ее удерживали двѣ причины. Во-первыхъ, она умо-

чала передъ мужемъ объ ужасныхъ событіяхъ своей прошлой жизни, а затѣмъ онъ вскорѣ послѣ женитбы сталъ похварывать и нуждался въ заботливомъ уходѣ любящей жены, день и ночь не отходившей отъ больного мужа. Годъ тому назадъ мистеръ Джисонъ скончался. Ваша мать, съ дочерью покойнаго, теперь шестнадцатилѣтней молодой дѣвушкой, стали наследницами почти шестимилліоннаго состоянія, и тогда, уже не теряя ни минуты, она начала наводить справки о своемъ сынѣ, то-есть о васъ, мистеръ Миллеръ. Она пріѣхала сюда въ Нью-Йоркъ въ сопровожденіи падчерицы... А теперь подумайте хорошенько, мистеръ Миллеръ,—при этихъ словахъ адвокатъ торжественно поднялся:—васъ зоветъ къ себѣ любящая мать. Послѣ всего отъ меня слышаннаго вы обязаны и должны забыть и простить прошлое. Вашъ пріемный отецъ, почтенный мистеръ Куонъ-Айкъ, будетъ щедро награждать за свои труды и попеченія. Васъ же самихъ, мистеръ Миллеръ, васъ ждетъ блестящая будущность, ждетъ жизнь, которой позавидуютъ милліоны людей. Рѣшайте же, что вамъ дѣлать, какъ поступить.

Куонъ-Айкъ неподвижно сидѣлъ на креслѣ, опустивъ голову на грудь, и даже ни разу не поднялъ глаза.

Молодой человекъ протянулъ адвокату руку.

— Передайте моей матери поклонъ отъ ея сына,—сказалъ онъ просто.—Я больше зла противъ нея не питаю! Если она захочетъ видѣть меня, пусть приходитъ сюда, когда ей угодно. Но я—я останусь у моего отца.

III.

Необыкновенный случай этотъ дошелъ до суда. Куонъ-Айкъ съ сыномъ стояли на одной сторонѣ, мистрисъ Джисонъ со своимъ адвокатомъ—на другой. Въсѣ объ этомъ сенсационномъ процессѣ разнеслась далеко по всѣмъ окрестностямъ. Газеты были переполнены его подробностями, поэтому неудивительно, что зала суда была биткомъ набита любопытными.

Судья потребовалъ, чтобы передъ нимъ повторили всю исторію. Затѣмъ онъ позвалъ къ допросу Куонъ-Айку. Послѣдній, своимъ оригинальнымъ изложеніемъ дѣла, вызвалъ всеобщую веселость.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ, — началъ онъ, —какая-то незнакомка,—онъ не отрицаетъ, что это, можетъ-быть, и была мистрисъ Джисонъ,—передала ему для стирки узелъ бѣлья. Узелъ этотъ и его содержимое не были потребованы обратно. Онъ же можетъ представить сотню законовѣдовъ, которые по чести докажутъ, что «не потребованное въ продолженіе шести мѣсяцевъ бѣлье» остается въ пользу владѣльца прачечной. Поэтому онъ имѣетъ полное право на узелъ и все въ немъ заключавшееся, не только по человѣческимъ законамъ, но и съ юридической точки зрѣнія.

Рѣчь эта, произнесенная старымъ китайцемъ серьезно и съ большимъ достоинствомъ, вызвала въ залѣ цѣлую бурю веселости, которой не могъ не вторить и самъ судья. Успокоившись, судья началъ доказывать бѣдному Куонъ-Айку, что онъ нѣкогда образцомъ не имѣетъ права удерживать у себя юношу, такъ какъ послѣдній достигъ семнадцатилѣтняго возраста и уже способенъ самъ располагать собою.

Послѣ этого онъ подозвалъ къ себѣ китайца Миллера. Онъ сталъ увѣщевать его послушаться голоса природы и не отталкивать родной матери. Онъ можетъ жить съ матерью, но при этомъ не забывать и пріемнаго отца и продолжать питать къ нему сыновнюю привязанность. Онъ нѣкогда образцомъ не долженъ забывать, что только злополучный рокъ забросилъ его въ общество язычниковъ, и что, будучи сыномъ христіанской четы, онъ долженъ бы вдвое благодарить судьбу, дарующую ему теперь возможность разстаться съ языческими обрядами и обычаями, съ китайскимъ костюмомъ, отбросить косу и вернуться въ общество добрыхъ христіанъ и настоящихъ культурныхъ людей.

— А теперь — рѣшайте! — заключилъ судья свое увѣщаніе молодого китайца.

Въ залѣ суда настала мертвая тишина. Взоры всѣхъ съ напряженіемъ устремились на юношу.

— Я останусь у своего отца,—начать-было Георгъ Миллеръ, но внезапно умолкъ, пораженный удивленіемъ. Щеки его на минуту поблѣли, затѣмъ снова вспыхнули, а глаза съ радостнымъ изумленіемъ остановились на стройной фигурѣ внезапно появившейся около мистрисъ Джисонъ, молодой дѣвушки. Это была она—ея идеалъ!

Мистрисъ Джисонъ тотчасъ же замѣтила внезапное волненіе сына и, съ свойственной женщинамъ проницательностью, сразу угадавъ, что въ немъ происходитъ, быстро воспользовалась представившимся ей преимуществомъ.

— Не медли, не томи меня, сынъ мой, не раздумывай, возлюбленное дитя мое!—прошептала она.—Тебя ожидаетъ нѣжная любовь наша. Моя дочь также будетъ счастлива, если ты возвратишься къ своей матери.

И юноша забылъ объ отеческой, нѣжной любви Куонъ-Айку, онъ медленно повернулся въ сторону матери и протянулъ руки громко заликовавшей отъ радости женщинѣ.

Публика разразилась шумными рукоплесканіями. Молодого человека окружили, пожимали ему руки, желали счастья: даже она, идеалъ его, протянула ему руку, и ему показалось, что она отвѣтила на его робкое пожатіе.

Вдругъ Георгъ вздрогнулъ. А отецъ? А Куонъ-Айкъ? Гдѣ же онъ? Онъ хотѣлъ бѣжать къ нему, хотѣлъ сказать ему, что не намѣренъ съ нимъ разлучаться, что мать навѣрно согласится, чтобы

они жили вмѣстѣ, но старый китаецъ исчезъ. Во время всеобщаго возбужденія онъ незамѣтно вышелъ изъ залы.

Георгъ хотѣлъ тотчасъ же бѣжать его отыскивать, но мать такъ настоятельно просила его посвятить ей этотъ день, а пара прекрасныхъ глазъ такъ краснорѣчиво поддерживала ея просьбу, что онъ не устоялъ и далъ увлечь себя въ поджидавшую ихъ карету.

Георгъ провелъ день у матери въ блаженномъ упоеніи. Онъ успѣлъ также познать наслажденіе благами богатства, и только вечеромъ имъ вдругъ овладѣла невыразимая тоска. Его невольно повлекло изъ роскошнаго дома матери въ бѣдный китайскій кварталъ. Никто не могъ уже удержать его. Обѣщавъ вернуться обратно черезъ нѣсколько часовъ, онъ поспѣшно вышелъ изъ дома.

Съ сильно бьющимся сердцемъ мчался онъ по хорошо знакомымъ улицамъ. Въ немъ поднимались сотни дорогихъ воспоминаній, и душой его овладѣло чувство горькаго сожалѣнія о томъ, что ему навсегда придется покинуть это мѣсто. Онъ уже подходилъ къ дому Куонъ-Айкы.

Но въ домѣ все было темно. Все было тихо.

Не случилось ли со старикомъ какого несчастья? Можетъ-быть, онъ... Нѣтъ, нѣтъ! Этого быть не можетъ.

Онъ постучался въ дверь. Раздались медленные, шлепающие

шаги. Ему отворилъ совершенно незнакомый ему китаецъ и спросилъ Георга, что ему угодно.

— Я хочу видѣть Куонъ-Айку, моего отца!

— Этотъ домъ больше не принадлежитъ ему. Я купилъ его сегодня со всѣмъ, что въ немъ заключается!—отвѣтилъ онъ.

Георгъ отшатнулся.

— Не можетъ быть! А Куонъ-Айкъ самъ—гдѣ онъ?

— Уѣхалъ въ Китай! Счастливецъ, — ему можно позавидовать!

Старый китаецъ закрылъ дверь и оставилъ юношу на улицѣ. Георгъ закрылъ глаза руками и горько заплакалъ. Затѣмъ онъ медленно повернулся, чтобы уйти обратно. Вдругъ онъ замѣтилъ у порога дверей дома, въ которомъ онъ провелъ свое счастливое дѣтство, небольшую кучку пестрыхъ осколковъ. Онъ собралъ ихъ и, при свѣтѣ луны, началъ ихъ разсматривать.

Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на нихъ, тѣмъ болѣе приходилъ въ ужасъ. Это были осколки идолъ съ небольшого домашняго алтаря Куонъ-Айкы, котораго онъ разбилъ и бросилъ у порога.

Полгода спустя изъ Кантона пришло прекрасно написанное по-англійски письмо, въ которомъ Куонъ-Айкъ просилъ сообщить своему пріемному сыну, чтобы онъ о немъ не беспокоился, такъ какъ онъ совершенно счастливъ и радъ, что снова находится на дорогой родинѣ, и что ему суждено сложить тамъ свои кости.

Карандашъ.

Очеркъ М. А. Орлова.

Замѣчательно, что наше слово «карандашъ» — турецкаго происхожденія. «Кара-дашъ» по-турецки значитъ «черный камень». Не отъ турокъ ли мы впервые заимствовали это орудіе письма? Турки произвели его названіе отъ камня, т.-е. отъ минеральнаго вещества, которое у нихъ, очевидно, служило для его приготовленія. Нѣчто подобное можно видѣть и во французскомъ названіи карандаша — *crayon* — которое, видимо, происходитъ отъ *craye*, мѣлъ. На другихъ романскихъ языкахъ слово карандашъ произошло отъ латинскаго слова *lapis*, камень (*lapis* по-итальянски и по-португальски, *lapiz* по-испански). Нѣмцы называютъ его тоже по веществу, изъ котораго когда-то выдѣлывали карандаши — *Bleistift*, отъ *Blei*, свинецъ. Только англичане зовутъ карандашъ по его предназначенію: — *pen-cil*, слово, обозначающее въ то же время и кисть.

Въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, карандашъ родился въ концѣ XVIII столѣтія. Но несомнѣнно, что гораздо раньше, еще въ классическомъ мірѣ, существовали снаряды для письма, вполне подобные нашимъ карандашамъ; такъ, римляне употребляли для письма и черченія такъ-называемый *предукталъ*, представлявшій собою, въ сущности, свинцовый карандашъ. Но графитъ, сколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, до XVI вѣка не употреблялся, какъ матеріалъ для письма. Въ книгѣ Гесснера о минералахъ, помѣщенной 1565 годомъ, описываются карандаши уже почти современные: это были палочки графита, обдѣланныя въ дерево; но употребленіе ихъ было, надо полагать, весьма ограниченное, и Гесснеръ описываетъ ихъ, какъ курьезъ. Въ концѣ XVI вѣка открыли богатые графитовыя копи въ Англіи, близъ Борроудейла; изъ этого графита стали выдѣлывать обтесанныя палочки для письма, которая впоследствии обдѣлывались въ дерево. Но при такой выработкѣ карандашъ былъ еще предметомъ роскоши. А тѣмъ временемъ копъ въ Борроудейлѣ истощилась, и производство прекратилось; карандаши выдѣлывались только тогда, когда находили случайно крупныя куски графита, изъ которыхъ можно было вытесывать палочки, такъ какъ въ то время еще не догадались выпрессовывать эти палочки изъ дробленой и истертой массы графита. Этотъ способъ, составившій эпоху въ карандашномъ производствѣ, вводился постепенно, мало-по-малу совершенствуясь. Дѣло началось съ того, что, не находя крупныхъ кусковъ графита, изъ которыхъ можно было прямо вытесывать палочки, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣя громадныя отбросы при ихъ вытесываніи, догадались примѣшивать къ измѣльченному графиту разныя связывающія вещества — сѣру, клей, камедь, сургучъ и т. п. Полученную твердую массу опять-таки рѣзали, обтесывали въ палочки, а не прессовали, какъ это дѣлается теперь; притомъ карандаши выходили скверные, рапающіеся.

Въ началѣ XVIII столѣтія началъ появляться карандашный мастеръ во Франціи и Германіи. Одна за другою открывались заводы графита въ Чехіи, Моравіи, Штиріи. Въ Германіи центромъ карандашнаго производства еще въ тѣ времена сдѣлался Нюрнбергъ, и особенно деревенскія Штейны, въ его окрестностяхъ. Здѣсь, между прочимъ, въ 1761 году основалась мастерская Фаберовъ, потомки которыхъ и до нашихъ дней остались крупнѣйшими производителями въ этой отрасли промышленности. Долгое время карандаши выдѣлывались чисто-кустарнымъ способомъ, это было въ строгомъ смыслѣ домашнее ремесло; первая мастерская карандашей, воспринявшая фабричныя характеры, была основана въ Йеттенбахѣ графомъ Кронфельдомъ въ 1766 году.

Послѣдній толчокъ прогресса въ карандашномъ производствѣ былъ сдѣланъ въ 1795 году французомъ Жакомъ Конта и почти одновременно съ нимъ австріецемъ Юзефомъ Гардтмутомъ. Они придумали смѣшивать графитовый порошокъ съ глиною и изъ полученной пластической, очень податливой къ формовкѣ массы

изготовлять путемъ сдавливанія какой угодно формы палочки и пластинки. Съ этой поры карандашное производство начало быстро развиваться и скоро приняло тотъ видъ, въ которомъ является передъ нами въ настоящее время.

Глина, идущая на приготовленіе карандашей, прежде всего отмучивается, т.-е. взбалтывается съ водою, а затѣмъ оставляется въ покоѣ, чтобы изъ воды осѣли крупныя примѣси, которая потомъ легко отдѣлится. То же дѣлается и съ измѣльченнымъ графитомъ, если онъ идетъ на приготовленіе высокосортныхъ карандашей. Затѣмъ смѣсь графита и глины въ определенной пропорціи, смотря по номеру мягкости или твердости выдѣлываемыхъ карандашей, долго и старательно перетирается на особой мельницѣ съ коническимъ жерновомъ, ходящимъ внутри коническаго же кожуха; между поверхностями жернова и кожуха масса и перетирается, пока не сдѣлается совершенно однообразною и ровною. Послѣ этой обработки массу продавливаютъ сквозъ прессъ съ дырочками, и сквозъ эти дырочки выходятъ тѣ палочки, которая мы видимъ въ сердцевинѣ деревянныхъ карандашей или вставляемъ въ карандашныя «машинки» всякихъ видовъ, какія теперь въ такомъ множествѣ обращаются въ продажѣ. По выходѣ изъ пресса эти графитики раскладываются на ровныхъ доскахъ, гдѣ имъ даютъ подсохнуть. Послѣ того ихъ перекладываютъ на доску съ желобками и покрываютъ другой доской съ такими же желобками, такъ чтобы каждый графитикъ былъ плотно зажатъ въ этихъ желобкахъ. Сложенныя доски съ графитами кладутъ подъ гнетъ и здѣсь оставляютъ, пока они окончательно не высохнутъ, при чемъ, конечно, зажимъ между досками, въ прямолинейныхъ желобкахъ, не даетъ имъ коробиться и гнуться, и они выходятъ изъ формъ совершенно прямыми и ровными. Высушенные графиты погружаютъ въ глиняные тигли, засыпаютъ угольнымъ порошкомъ и прокалываютъ. Послѣ того остается только пропитать самыя мягкіе номера какимъ-нибудь жирнымъ веществомъ, воскомъ или стеариномъ, и тогда графиты уже вполне готовы въ обдѣлку. Дорогие карандаши высшихъ сортовъ оправляются въ кипарисъ или виргинскій можжевельникъ, дешевые сорта — въ разное другое дешевое дерево. Само собою разумѣется, что при нынѣшнемъ громадномъ потребленіи карандашей почти все производство ведется машинами, специально приспособленными для всѣхъ отдѣльныхъ операций. Прежде, напр., готовые графиты вставлялись въ палочку, въ которой особымъ стругомъ вынимался пазъ для нихъ; потомъ въ этотъ пазъ вклеивали особую деревянную планочку, а затѣмъ уже окончательно обдѣлывали карандашъ снаружи. Теперь машина нрѣзаетъ палочки, распиливаетъ ихъ вдоль на двѣ части, вынимаетъ желобокъ для вкладыванія графита; остается вложить туда графитъ и, смазавъ клеемъ эту половинку карандаша, наложить на него другую половинку, зажать, положить сушиться подъ прессъ. И только окончательная обдѣлка, полировка, окрашиваніе дѣлается въ ручную. Обычно готовятъ изъ графита шесть мягкихъ сортовъ карандаша, обозначаемыхъ опредѣленнымъ числомъ буквъ *B* (6 *B* — самый мягкій, 1 *B* — наименѣе мягкій сортъ) и шесть сортовъ твердыхъ, обозначаемыхъ буквою *H* (и тутъ тоже 6 *H* самый твердый, 1 *H* — наименѣе твердый сортъ). Впрочемъ, теперь готовятъ особые сорта карандашей для письма, для рисованія, для черченія, для фотографической ретуши и т. д.

Кромѣ графита, дающаго сѣрый карандашъ, употребляется много другихъ цвѣтныхъ веществъ для выдѣлки цвѣтныхъ карандашей всевозможнаго назначенія. Такъ, черные карандаши готовятся частью изъ особаго чернаго сланца, частью изъ графита съ углемъ или сажею; иногда ихъ дѣлаютъ на глинѣ, иногда на воскѣ. Другіе цвѣтные карандаши, напр., красные тоже дѣлаются иногда изъ минеральнаго вещества, кровавика; итальянцы назы-

вают этот минерал sanguina, и художники тоже называют этот карандаш «сангвиною», или, держась французского выговора, «сангиною».

Затѣмъ, пастельные карандаши представляют собою просто-напросто плотно спрессованный палочкой изъ сухихъ красокъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; полный наборъ такихъ карандашей состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ, даже сотни, двухъ и больше отдѣльныхъ оттѣнковъ.

Цвѣтные карандаши, чаще другихъ встрѣчающіеся во всеобщемъ употребленіи, именно красные и синіе, состоятъ изъ минеральныхъ красокъ, берлинской лазури и киновари или сурика, затертыхъ съ смѣсью воска и сала. Упомянемъ еще для полноты нашего очерка о копировальныхъ карандашахъ. Они выпрессовываются обычно изъ очень корпусной (т.-е. густоцвѣтной) анилиновой краски и либо оправляются въ дерево, либо вставляются въ «машинки». Черту они даютъ тусклую, слабую, но она, будучи смочена водою, сейчасъ же оживаетъ, приобретаетъ яркій цвѣтъ анилиновой краски, изъ которой карандашъ выдѣланъ, и съ написаннаго такимъ карандашомъ можно снимать копии обычнымъ способомъ, на тонкой смоченной бумагѣ, подъ прессомъ.

Португальская драма.

(Политическое обозрѣніе).

Страшный ударъ, разразившійся надъ Португаліей, заставилъ

содрогнуться отъ ужаса всю Европу. Борьба португальскихъ революціонеровъ и монархистовъ была полна обоюдныхъ ошибокъ. Покойный король донъ-Карлосъ установленіемъ диктатуры далъ страшное оружіе въ руки своихъ враговъ, но и непримирно-враждебная ему партія республиканцевъ возмутительнымъ убійствомъ короля и наслѣдника, безпощадною попыткой истребленія всей королевской семьи нанесла неизмѣримый уронъ своему собственному дѣлу, пробудила въ народѣ стихійный взрывъ монархическихъ чувствъ, заставила его простить несчастной жертвѣ возмутительнаго царевубійства всѣ его ошибки и прегрѣшенія и принудила весь цивилизованный міръ сочувствовать правителю, павшему въ борьбѣ съ анархіей.

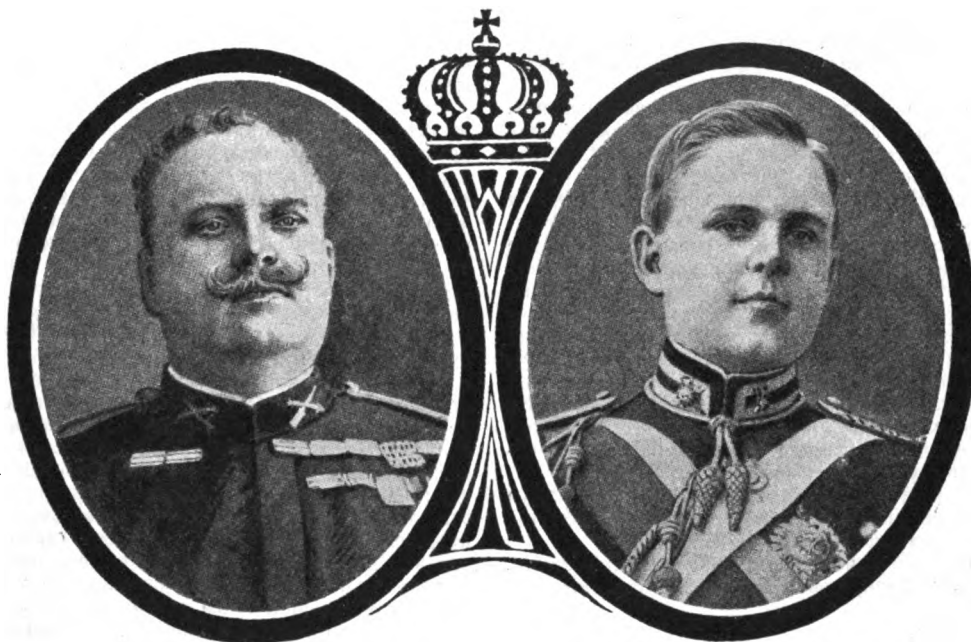
Унаслѣдовавшій тронъ послѣ отца и старшаго брата принца Мануэля, тоже раненый двумя пулями, но безъ опасности для жизни, принявъ бразды правленія, сразу почувствовалъ въ своихъ рукахъ крѣпость и силу и, вѣроятно, сумѣетъ еще больше укрѣпить свое положеніе, воспользовавшись общимъ негодованіемъ народа противъ жестокихъ царевубійцъ. Поднявшаяся реакція на долгое время отодвинетъ осуществленіе мечты португальскихъ республиканцевъ. Диктатура Франко, вызвавшая противъ себя протестъ чуть не во всѣхъ партіяхъ и сферахъ, получила теперь, въ видѣ кроваваго событія 19-го января, свое оправданіе не только за прошлое, но и за будущее время. Замѣна закона произволомъ силы для всѣхъ тяжела и неприятна, но каждый гражданинъ понимаетъ, что всякая революція есть уже обращеніе къ силѣ, и что революционное насиліе даетъ правительству право исключительнаго обращенія къ силѣ.

Несмотря на отставку диктатора, восстановленіе конституціи подъ громъ ружейныхъ выстрѣловъ будетъ очень нелегко, и въ этой длительной пріостановкѣ нормальнаго закономѣрнаго теченія общественной жизни заключается великая тяжесть исполненія страны за допущенный ею грѣхъ царевубійства.

Болѣе близкое знакомство съ исторіей внутренняго управленія Португаліей заставляетъ признать, что такъ-называемая конституціонная гарантія въ ней всегда дѣйствовала очень слабо. Переходъ отъ абсолютной къ конституціонной формѣ правленія не принесъ Португаліи, какъ и большинству латинскихъ странъ, тѣхъ благъ прочнаго и устойчиваго гражданскаго порядка, какія сумѣла извлечь изъ него родоначальница всѣхъ европейскихъ конституцій — Англія. Только одна Англія сумѣла найти устойчивое равновѣсіе между стремленіями массы къ политическому господству и уваже-

ніемъ къ священнымъ традиціямъ прошлаго; въ германскихъ странахъ авторитетъ и сила монархической власти до сихъ поръ явно подавляетъ политическую самодѣятельность народа, наконецъ латинскія страны, повидимому, совершенно неспособны остановиться на полдорогѣ, логически примирить мечту о грядущемъ съ воспоминаніемъ о прошломъ, и, утрачивая довѣріе къ монархіи, неудержимо стремятся къ установленію республики. Первая попытка конституціонныхъ реформъ стоила французскому королю трона и жизни и повела къ установленію республиканскаго строя. Всѣ испанскія владѣнія Южной Америки переродились въ республики, но не нашли успокоенія въ республиканскихъ порядкахъ и постоянно раздражаются непрерывною борьбою партій съ нескончаемыми кровавыми переворотами во славу минутныхъ диктаторовъ. Испанія и Португалія охвачены вѣчнымъ внутреннимъ броженіемъ и какъ маятникъ колеблется между республикой и монархіей, при чемъ и республиканцы и монархисты смотрятъ на конституцію только какъ на временное переходное состояніе, какъ на этапъ, ведущій къ полному достиженію цѣли. Конституція существуетъ въ основѣ законовъ этихъ странъ, но она очень туго проникаетъ въ нравы ея жителей. Въ Португаліи за все время конституціоннаго режима выборы кортесовъ никогда ни въ малѣйшей степени не отражали общественнаго мнѣнія страны, такъ какъ всегда давали перевѣсъ правительству, какой бы окраски оно ни было. Основною португальской конституціи всегда была пассивная покорность народа. Ея конституціонные законы —

это форма безъ содержания. Нѣтъ ничего мудренаго, что маленькій пятимилліонный народъ смутно искалъ какихъ-нибудь своихъ формъ политическаго бытія, выражая немалое сочувствіе и республиканцамъ и монархистамъ. Быть-можетъ, онъ когда-нибудь путемъ естественной эволюціи и найдетъ то, что ему нужно, но терпистическое вмѣшательство въ ходъ его внутренней борьбы надолго осложнитъ его работу политическаго самоопредѣленія, сдѣлаетъ ее крайне мучительной, болѣзненной и трудной.

Донъ-Карлосъ I, король Португальскій, убитый 19 января с. г. въ Лиссабонѣ.

Луисъ, наслѣдникъ португальскаго престола, убитый 19 января с. г. въ Лиссабонѣ.

Трагедія въ Лиссабонѣ. (Съ 2 портр. на этой стр.).

Португалія — эта маленькая страна, расположенная на соседствѣ съ Испаніей на плодородныхъ берегахъ Атлантики, страна смѣлыхъ мореплавателей — совершенно неожиданно привлекла къ себѣ въ настоящее время сострадающее вниманіе всего міра.

19 января въ Лиссабонѣ разыгралась тяжелая трагедія: въ самомъ сердцѣ столицы король Португаліи Карлосъ I, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, наслѣдникомъ престола, Луисомъ, были напавъ убиты неизвѣстными злоумышленниками. Пострадалъ при этомъ также и второй сынъ короля. Мануэль, получившій двѣ раны.

Катастрофа, по телеграфнымъ свѣдѣніямъ, произошла слѣдующимъ образомъ.

19 января королевская семья посѣтила ярмарку и народный праздникъ въ мѣстечкѣ Вилла-Висоза, близъ Лиссабона. По возвращеніи оттуда въ столицу, въ шестомъ часу вечера, когда королевскій экипажъ выѣхалъ съ Коммерческой площади на Арсенальную улицу, группа какихъ-то неизвѣстныхъ лицъ, вооруженныхъ карабинами, произвела рядъ выстрѣловъ въ короля и его семью. Король и наслѣдникъ принцъ были смертельно ранены. Инфантъ Мануэль получилъ раны въ руку и въ челюсть; королева Амелія осталась невредимою.

Король былъ раненъ тремя пулями: одна попала въ затылокъ, другая въ плечо, третья въ сонную артерію, — эта послѣдняя пуля и вызвала почти мгновенную смерть короля. Наслѣдникъ принцъ получилъ раны въ голову и грудь и вначалѣ еще дышалъ, но вскорѣ и онъ умеръ.

Трое убійцъ убиты на мѣстѣ преступленія, трое арестованы; остальные же исчезли. Убійцъ была, какъ передаютъ, цѣлая толпа: они стояли, выжидая появленія королевскаго экипажа, на перекресткѣ и прятали свои карабины подъ плащами.

Извѣстіе объ убійствѣ короля и наследника быстро распространилось по городу и вызвало всеобщее негодование и возбужденіе. Въ учрежденіи закрылись. Столица Португаліи приняла мрачный видъ.

На престолъ вступилъ теперь второй сынъ погибшаго короля, инфантъ Мануэль, при чемъ, въ виду его несовершеннолѣтія, будетъ учреждено регентство въ лицѣ его матери, вдовствующей королевы Амеліи.

На другой же день послѣ катастрофы, король издалъ воззваніе къ народу. Въ этомъ воззваніи онъ говоритъ о «гнусномъ преступленіи, жертвой котораго пали его возлюбленный отецъ и дорогой братъ», и выражаетъ увѣренность, что нація раздѣляетъ его глубокое горе и возмущена ужаснымъ преступленіемъ. Король даетъ далѣе обещаніе «посвятить всѣ свои силы благу отечества и тѣмъ приобрести любовь португальскаго народа». Оставаясь вѣрнымъ конституціи, король даетъ клятву подчиняться ей и обезпечить ей повиновеніе, а также уважать всѣ остальные законы королевства. Въ заключеніе король даетъ обязательство возобновить эту клятву передъ кортесами.

По поздравившимъ свѣдѣніямъ, удалось установить личность одного изъ паревубійщъ: его зовутъ Мануэль Буція; ему 30 лѣтъ. За послѣднее время убійца занималъ должность учителя въ одномъ изъ лиссабонскихъ учебныхъ заведеній.

Покойный король, Карлосъ I, происходитъ изъ Браганскаго дома. Онъ родился въ 1863 году; на престолъ взомелъ, по смерти своего отца, короля Луиса I, въ 1889 году.

Въ 1886 году Карлосъ I вступилъ въ бракъ съ дочерью Филиппа, герцога Орлеанскаго, Марією-Амелією, которая въ настоящее время является регентшей.

У покойнаго короля было только двое дѣтей: Луиза-Филиппа, герцогъ Браганскій, родившійся въ 1887 году и раздѣлившій нынѣ трагическую участь своего отца, и Мануэль, родившійся въ 1889 году и нынѣ объявленный королемъ Португаліи.

Царствованіе короля Карлоса I не принадлежитъ къ числу счастливыхъ, несмотря на то, что онъ лично пользовался симпатіями португальскаго народа. Маленькая страна при немъ все время была терзаема партійными распрями и внутренними волненіями. Благосостояніе государства все время находилось въ шаткомъ положеніи; государственный долгъ возросъ до огромной цифры, промышленность падала, народъ коснѣлъ въ невежествѣ: свыше 80% населенія оставались неграмотными. Къ довершенію всего, партійныя усобицы и революціонное броженіе въ странѣ достигли наконецъ такой степени, что король счелъ необходимымъ отмѣнить на время конституціонныя гарантіи и учредить диктатуру. Но эта послѣдняя, въ лицѣ неудачно избраннаго королемъ премьеръ-министра Хоао Франко, лишь ухудшила общее положеніе.

Молодому королю Мануэлю во всякомъ случаѣ достается тяжелое наследіе: мрачно-настроенная страна и страшныя впечатлѣнія лично имъ пережитой кровавой трагедіи.

Въ отвѣтъ на извѣщенія о прискорбномъ событіи въ Португаліи, Его Величество Государь Императоръ изволилъ послать нижеслѣдующія телеграммы:

«Его Величеству королю.

«Изъ самой глубины Своего сердца выражаю Вашему Величеству Свои горестныя соболѣзнованія по поводу жестокаго испытанія, постигшаго Васъ, и увѣренія въ искреннемъ участіи, которое Я принимаю въ печали Вашей, Вашей семьи и Вашей страны».

«Ея Величеству королевы.

«Глубоко потрясенные страшнымъ несчастіемъ, такъ жестоко поразившимъ Ваше сердце матери и супруги, Императрица и Я въ эту минуту испытанія просимъ Ваше Величество принять выраженіе Нашей прочувствованной симпатіи и Нашего искренняго участія въ Вашемъ горѣ».

Въ Государственной Думѣ.

Въ 21-мъ засѣданіи Гос. Думы, 17 января, высказались по вопросу о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы представители парламентскихъ фракцій.

Отъ мирнообновленцевъ говорилъ деп. Соколовъ 2-й, вполнѣ присоединившійся къ предложенію к.-д.

Соціалъ-демократическая фракція, въ лицѣ деп. Покровскаго, стоитъ за полноту бюджетныхъ правъ для Гос. Думы, т.-е. и права распоряженія бюджетомъ, и права вѣтровать въ извѣстное время отказъ въ бюджетѣ тому или другому органу правительства, въ зависимости отъ того, заслуживаетъ ли онъ довѣрія народнаго представительства или нѣтъ. Правительство идетъ по старому пути, народъ же хочетъ, чтобы ни одна конейка не тратилась расточительно и безъ его согласія. Поэтому с.-д. фракція высказывается за отмѣну правилъ 8 марта цѣлкомъ, а также за изытіе изъ вѣдѣнія Гос. Совѣта разсмотрѣнія государственной росписи, оставляя за собою право внесенія соотвѣствующаго законопроекта.

Деп. Розановъ, выступившій отъ имени трудовой группы, высказалъ, что правительство, отклоняя предлагаемое ему облегченіе, отнюдь не стоитъ на стражѣ закона, охраняющаго интересы законнаго порядка, и что вообще никакіе законы не стѣсняютъ правительства, — вѣдъ актомъ 3 іюня нарушены же ст. 87, 91 и 92 осн. зак. Ораторъ подробно остановился на анализѣ ст. 14-й смѣтныхъ правилъ и иллюстрировалъ цѣлый рядъ случаевъ на-

рушенія этой статьи, допущенныхъ при составленіи бюджета на 1907 г., а въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что при существованіи правилъ 8 марта Гос. Дума будетъ работать не въ согласіи съ правительствомъ, а только въ руку правительству. Если же Гос. Дума приметъ законопроектъ, расширяющій ея права въ области бюджета, то докажетъ этимъ, что знаетъ свои права и обязанности.

Фракція правыхъ, въ лицѣ деп. Володимерова, признала, что въ правилахъ 8 марта дѣйствительно имѣются постановленія, хотя и второстепеннаго значенія, которыя нуждаются въ измѣненіи, но въ главныхъ своихъ чертахъ проектъ к.-д. рѣшительно неприемлемъ. Разсмотрѣніе же этого проекта въ комиссіи будетъ цѣлесообразно лишь послѣ разсмотрѣнія бюджета на 1908 г., когда Гос. Дума получитъ необходимыя для обсужденія его указанія опыта.

Принципіальное отношеніе къ проекту октябристовъ выяснилъ бар. Мейендорфъ. Октябристы обѣщаютъ свою поддержку власти, которая, по словамъ министра финансовъ, желаетъ бороться орудіемъ разума и ищетъ нравственное себѣ оправданіе въ своихъ историческихъ задачахъ. Министръ своею рѣчью доказалъ, что онъ «любитъ государственный бюджетъ», и пожелалъ поставить его подъ охрану основныхъ законовъ; и хотя эта попытка является ошибочной, однако въ рѣчи его не было слышно угрозы, что если будетъ принятъ проектъ, содержащій нарушеніе осн. законовъ, то работа Гос. Думы окажется съ точки зрѣнія правительства ненадежной. Фракція 17 окт. будетъ голосовать за передачу проекта к.-д. въ комиссію, несмотря на то, что въ немъ содержатся статьи, «ни въ какомъ случаѣ не могущія считаться желательными». Внесеніе даннаго проекта к.-д. партіей представляетъ собою нигдѣ невиданное проявленіе канцелярской рутинны. Ея теорія, что бюджетъ есть законъ, не выдерживаетъ никакой критики.

Отмѣна ст. 9-й смѣтныхъ правилъ грозила бы серьезной опасностью. Если бюджетная инициатива предоставлена одинаково и правительству и палатѣ, то возможно представить себѣ и такой случай, что министръ юстиціи.—прочтя лишній разъ извѣстіе о томъ, что тотъ или иной ген.-губернаторъ, признавая рѣшенія суда явно неправильными, арестовалъ оправданныхъ лицъ,—нашелъ бы въ себѣ смѣлости вычеркнуть изъ кредитовъ все, что ассигновано на судебныя учрежденія, какъ излишнее. «Эта оборотная сторона бюджетной инициативы внесла бы такія колебанія, такія политическія интриги, такой невѣроятный сумбуръ, что эта часть проекта 40-ка является цѣлкомъ неприемлемой». Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что вся мысль, заключающаяся въ проектѣ, подлежитъ полному игнорированію. Раньше всего, ст. 9-я не есть обратная сторона ст. 94 осн. зак., такъ какъ явилась раньше нея, а обратная сторона не можетъ явиться раньше лицевой. Далѣе, по ст. 94 ни одинъ законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ закономъ, а по ст. 93 каждый законъ можетъ быть отмѣненъ Гос. Думой и Гос. Совѣтомъ. «Если признать, что ст. 9 смѣтныхъ правилъ есть обратная сторона осн. законовъ, то мы пришли бы къ заключенію, что во всѣхъ актахъ правительства въ смѣтныхъ правилахъ примѣняются правила объ отмѣнѣ законовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ это привело бы къ выводу, едва ли раздѣляемому министромъ финансовъ, что Его Имп. Величество не въ правѣ своей властью отмѣнить своихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія изданныхъ, ибо только отмѣна въ порядкѣ закона была бы правильна».

Отстаивая принципъ законности, министръ финансовъ заявилъ, что правительство никогда не почувствуетъ потребности въ измѣненіи смѣтныхъ правилъ, какъ въполнѣ его удовлетворяющихъ. Но министръ забылъ, что при прежнемъ строѣ, когда считали одинъ нормальный законодательный порядокъ, было множество различныхъ законодательныхъ путей, которыми удовлетворялись всѣ признанныя потребности,—слѣдовательно, если прежде правительство не могло удовлетворить потребностямъ финансоваго хозяйства путемъ нормальнаго законодательнаго порядка и должно было прибѣгать къ инымъ законодательнымъ путямъ, то почему же теперь весь этотъ законодательный матеріалъ должна разрѣшить одна Дума въ законодательномъ порядкѣ, сложномъ, формальномъ, но, конечно, необходимомъ? Законодательный порядокъ разсмотрѣнія въ Гос. Думѣ установленъ не основными законами, а учрежденіемъ Гос. Думы, этотъ порядокъ можетъ быть упрощенъ для извѣстнаго рода дѣлъ,—и въ этомъ направленіи должно идти цѣлесообразное измѣненіе ст. 9-й смѣтныхъ правилъ. «Если Дума должна работать и правительство дѣйствительно желаетъ дать ей настоящую работу,—закончилъ ораторъ:—то неужели бюджетная комиссія, при разсмотрѣніи проекта 40-ка, не додумается до путей для облегченія этой задачи?»

Докладчикъ, деп. Аджомовъ, въ своемъ послѣднемъ словѣ отвѣтилъ на возраженія къ проекту, сдѣланныя бар. Мейендорфомъ и министромъ финансовъ, указавъ на то, что «всякое народное представительство, которое не смотритъ на себя съ точки зрѣнія приниженія и ограниченія своихъ задачъ, должно пойти за инициаторами законопроекта о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы.

Предложеніе 40-ка: «Предлагаемъ Гос. Думѣ проектъ измѣненій правилъ 8 марта, внесенный 40 членами Гос. Думы, передать въ бюджетную комиссію».—было снято авторами съ очереди, и баллотировалось лишь внесенное въ видѣ поправки къ нему предложеніе слѣдующаго содержанія: «Признавая измѣненіе правилъ 8 марта желательнымъ и не указывая объема этого измѣненія, Гос. Дума передаетъ законопроектъ, въ порядкѣ ст. 59 наказа, въ бюджетную комиссію». Это предложеніе принято единогласно.

С. А. Малоземова, профессоръ СПб. консерваторіи (1845—1908 г.).
По фот. авт. «Нивы».

этомъ засѣданіи Н. А. Хомяковъ доказалъ, что онъ можетъ блестяще провести засѣданіе, и съ честью занималъ свое председательское кресло.

Въ самомъ началѣ засѣданія Гос. Дума, по предложенію Н. А. Хомякова, поручила ему, чрезъ посредство португальскаго посланника, выразить португальскому королевскому дому и народу соболезнованіе и негодованіе Гос. Думы и почтила вставаніемъ павшихъ отъ рукъ убійцъ короля и наслѣднаго принца Португаліи.

Затѣмъ были утверждены выборы представителя отъ русскаго населенія Закавказья, деп. Тимошкина (с. р. н.), съ сообщеніемъ министру внутр. дѣлъ о допущенной председателемъ избирательнаго сѣзда несправильности (устройство подготовительнаго собранія во время выборовъ, въ томъ же помѣщеніи и подъ председательствомъ того же председателя). И уже съ этого вопроса начались попытки деп. Пуришкевича вызвать въ Думѣ скандалъ.

Выступилъ онъ съ цѣлью защитить «разъяснительную» политику министра внутр. дѣлъ—но председатель просилъ его не касаться политики этого министерства; первая же слова его съ нападками на депутатовъ с.-д., «которые находятъ возможнымъ не присутствовать во время начала засѣданій Думы», вызвали со стороны председателя предложеніе «не вызывать безпорядка въ Гос. Думѣ» и затѣмъ—«не вступать въ пререканія съ председателемъ»; упоминанія о томъ, что указанія на упущенія при выборахъ были бы понятны, если бы они исходили изъ центра, «который держится порядка, чести и закона», вынудили председателя указать оратору, что опредѣленіе того, кто держится порядка, чести и закона, не входитъ въ компетенцію деп. Пуришкевича, и послѣднему осталось лишь «поздравить Гос. Думу съ присутствіемъ въ ея средѣ члена с. р. н.», не входя въ обсужденіе того, правильно или неправильно произведены выборы. Скандалъ не удался.

Далѣе, были признаны правильными выборы по Орловской губ., съ тѣмъ, чтобы до свѣдѣнія министра внутр. дѣлъ было доведено о нарушеніи избирательныхъ правъ А. А. Стаховича, и утверждены выборы деп. Чиликина отъ Амурской области и деп. Солтыса отъ Бессарабской губ.

Принявъ во второмъ и третьемъ чтеніи нѣсколько мелкихъ законопроектовъ и въ первомъ чтеніи законопроектъ объ отмінѣ личной подати въ Измаильскомъ уѣздѣ, п. 5-й котораго былъ возвращенъ въ комиссію для вторичнаго разсмотрѣнія (см. «Ниву» 1907 г., № 52—15-е засѣданіе Гос. Думы) и измѣненъ ею въ томъ смыслѣ, что постановленія непрѣмѣнныхъ комитетовъ передаются не податному инспектору, а въ казенную палату,—Гос. Дума, разсмотрѣвъ заявленіе сибирской группы о дополненіи состава комиссій земельной, по судебной реформѣ и по народному образованію членомъ изъ числа депутатовъ-сибиряковъ, избраніе которыхъ запоздало ко времени образованія названныхъ комиссій, отклонила его, при чемъ произошелъ новый инцидентъ съ деп. Новицкимъ 2-мъ (пр.), который, поддерживая предложеніе сибиряковъ, сталъ говорить о бездѣтельности комиссій по дѣлу деп. Колюбакина, а будучи остановленъ председателемъ и затѣмъ получивъ предложеніе «не перекрикивать» его, просилъ «дать ему право быть депутатомъ», на что подучилъ отъ Н. А. Хомякова заслуженный отвѣтъ: «Прошу не просить меня о томъ, что я не могу удовлетворить въ данномъ случаѣ».

Обсужденіе заявленія председателя комиссій по государственной оборонѣ о предоставленіи ему права объявлять засѣданія комиссій закрытыми общало долги и бурныя пренія. Послѣ снятія этого заявленія съ повѣстки 20-го засѣданія многіе депутаты полагаютъ, что оно похоронено навсегда, такъ какъ казалось совер-

шенно исполнителнымъ стремленію создавать въ самой Гос. Думѣ тайны для ея членовъ. Еще до начала преній было внесено—и тотчасъ же отклонено—предложеніе о прекращеніи записи ораторовъ. Объясненія давалъ деп. Гучковъ, такъ мотивировавшій это заявленіе. По характеру дѣлъ, разсматриваемыхъ комиссіей, она бываетъ вынуждена приглашать на свои засѣданія представителей вѣдомствъ морского и военнаго, которымъ приходится раскрывать картину состоянія нашихъ вооруженныхъ силъ, а эти представители могутъ давать надлежащіе разъясненія лишь въ томъ случаѣ, если комиссія гарантируетъ полную тайну сообщаемыхъ ей свѣдѣній. Между тѣмъ опытъ прошлаго показывалъ, что депутаты не всегда воздерживаются отъ оглашенія свѣдѣній, полученныхъ ими въ закрытыхъ засѣданіяхъ: такъ, во всѣхъ иностранныхъ газетахъ былъ въ свое время напечатанъ подробный отчетъ о томъ засѣданіи 2-й Гос. Думы, въ которомъ произошелъ такъ-наз. «инцидентъ Зурабова», а деп. Алексинскій прочелъ въ Англіи даже публичную лекцію, посвященную этому засѣданію, и т. д. Предложеніе вызвано не недоувѣріемъ къ отдѣльнымъ членамъ Гос. Думы, а простымъ соображеніемъ, что тайна, ввѣренная 442 лицамъ, менѣе охранена, чѣмъ тайна, ввѣренная 37 членамъ Гос. Думы.

Пренія открылъ деп. Пуришкевичъ (кстати замѣтить, желавшій подати, при записи ораторовъ, одновременно двѣ записки). При соединившихъ всецѣло къ соображеніямъ докладчика, онъ заявилъ, что не будетъ столь же деликатенъ при опредѣленіи мотивовъ своего мнѣнія и откровенно скажетъ, что если бы онъ былъ морскимъ или военнымъ министромъ, и если бы въ ту комиссію, въ которую его пригласили, вошелъ бы деп. Милюковъ,—онъ застегнулся бы на всѣ пуговицы и поднялъ бы воротникъ. (Изобразивъ это на своей особѣ, онъ дѣлаетъ движеніе, какъ будто хочетъ уйти).

Въ Думѣ поднялся страшный шумъ, стукъ пиюпитровъ; раздались крики: «долой! вонъ!»—и подъ эти крики деп. Пуришкевичъ сходитъ съ трибуны и уже со своего мѣста кричитъ:—«Милюковъ мерзавецъ... подлецъ!..»

Съ трудомъ возстановивъ нѣкоторое спокойствіе, председатель обратился къ деп. Пуришкевичу съ предложеніемъ извиниться за свои слова, угрожая въ противномъ случаѣ внести предложеніе объ устраненіи его на 10 засѣданій.

Пуришкевичъ.—Господа! Въ виду того, что мною было допущено не парламентское выраженіе, какъ здѣсь говорятъ, я слово, сказанное на всю Думу, беру обратно, но говорю, что слово это начинается съ первой буквы имени Милюкова. (Продолжительный шумъ и возгласы на скамьяхъ лѣвыхъ. Звонокъ председателя).

Председатель.—Вслѣдствіе того, что членъ Гос. Думы Пуришкевичъ позволилъ себѣ оскорбить одного изъ нашихъ товарищей (возгласы справа: «Товарищъ?.. Какіе они намъ товарищи?..») по Гос. Думѣ, я предлагаю устранить его на 10 засѣданій Гос. Думы. Членъ Гос. Думы Пуришкевичъ, вы имѣете слово.

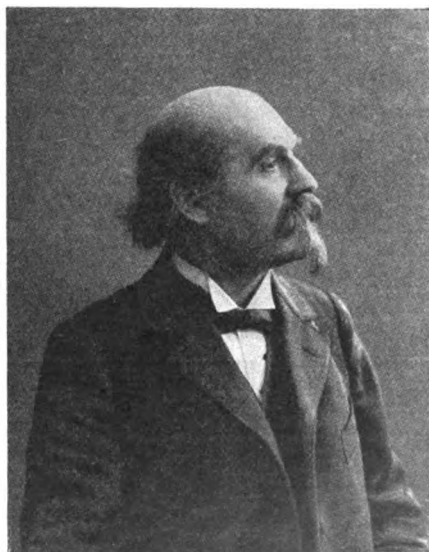
Пуришкевичъ.—О чемъ?

Председатель.—Если вамъ не угодно слушать то, что я говорю, я не виноватъ. Угодно вамъ воспользоваться вашимъ правомъ?

Пуришкевичъ.—Я своимъ словомъ пользуюсь для того, чтобы повторить инсказательно то, что я говорилъ сейчасъ. Я хочу сказать, что предпочитаю выйти на 10 засѣданій Гос. Думы, но съ удовольствіемъ плюнуть въ лицо Милюкову (Шумъ, возгласы, звонокъ председателя).

Председатель.—Покорнѣйше прошу не шумѣть и занять мѣста. Въ виду того, что членъ Гос. Думы Пуришкевичъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ представить объясненія его дѣйствій и снять съ себя то печальное дѣяніе, которое онъ позволилъ себѣ сдѣлать, онъ таковое усугубилъ.—предлагаю Гос. Думѣ устранить его отъ дальнѣйшихъ засѣданій на 15 засѣданій. Въ виду того, что это предложеніе я долженъ поставить на баллотировку, позволяю себѣ перерывъ на 1/4 часа.

По возобновленіи засѣданія, Гос. Дума приняла предложеніе председателя назначить на будущее время засѣданія по вторникамъ и пятницамъ, а не по вторникамъ и четвергамъ, чтобы избѣжать задержки во вторичномъ чтеніи законопроектовъ; затѣмъ была оглашена повѣстка слѣдующаго засѣданія. Наконецъ председатель приступилъ къ голосованію объ устраненіи деп. Пуришкевича.—«Съ моей стороны,—добавилъ онъ,—и

А. А. Архангельскій (по поводу 25-лѣтняго юбилея). По фот. авт. «Нивы».

считаю своимъ долгомъ предложить Гос. Думѣ, въ виду поведенія члена Гос. Думы Пуришкевича, устранить его на 15 засѣданій». И дума приняла это предложеніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ-трехъ десятковъ крайнихъ правыхъ... Деп. Пуришкевичъ всталъ и быстро, безъ всякихъ эксцентричностей (вспомните 2-ю Думу!) покинулъ залу.

С. А. Малоземова. (Портр. на стр. 99).

Скончалась Софья Александровна Малоземова, одна изъ лучшихъ ученицъ Автона Григорьевича Рубинштейна, состоявшая въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ профессоромъ С.-Петербургской консерваторіи по классу фортепіано. Потеря эта поистинѣ незамѣнима и не только потому, что наша музыкальная alma mater лишилась одного изъ своихъ выдающихся по таланту профессоръ, но главнымъ образомъ потому, что С. А. была истинной хранительницей заветовъ своего безсмертнаго учителя, котораго она обожала, какъ великаго художника и артиста.

Малоземова была одной изъ первыхъ ученицъ А. Г. Рубинштейна со времени основанія имъ въ 1863 г., «Музыкальныхъ курсовъ» преобразованныхъ потомъ въ консерваторію, которую она блистательно окончила въ 1866 г., а поступила восемнадцатилѣтнею, тотчасъ по окончаніи курса въ Смольномъ институтѣ.

Въ консерваторію она поступила профессоромъ, по приглашенію А. Г. Рубинштейна, въ 1887 г. Съ тѣхъ поръ С. А. до самой смерти своей занимала классъ фортепіано, выпускала ежегодно талантливыхъ ученицъ, изъ которыхъ многія успѣли уже составить себѣ прочное реноме и не только въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, но и за границей, гдѣ онѣ обратили на себя серьезное вниманіе публики и печати. Изъ такихъ ея ученицъ назовемъ хотя бы г-жъ Сандру Друкеръ и Баринкову, концертировавшихъ много и съ успѣхомъ въ Германіи; послѣдней она поручила веденіе своего класса во время ея болѣзни въ на-стоющемъ сезонѣ.

С. А. похоронена въ Александро-Невской лаврѣ неподалеку отъ своего великаго учителя А. Г. Рубинштейна. Малоземова родилась въ 1845 г. и умерла слѣдовательно 62 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ наилучшую память, какъ о профессорѣ и сердечномъ человѣкѣ.

В. Баскинъ.

А. А. Архангельскій. (Портр. на стр. 99).

Петербургскій музыкальный міръ торжественно отпраздновалъ двадцатипятилѣтній юбилей извѣстнаго дирижера и композитора церковной музыки Александра Андреевича Архангельскаго, въ концертѣ, данномъ въ залѣ Каляшниковской биржи.

Въ привѣтствіяхъ и адресахъ, поднесенныхъ ему, прославились крупныя художественныя заслуги юбиляра, который сводится главнымъ образомъ къ управленію организованнымъ имъ хоромъ и къ композиторской дѣятельности; какъ въ первой области, такъ и во второй А. А. достигъ изумительныхъ результатовъ благодаря таланту, неимоверному трудолюбію и любви къ дѣлу; эти качества и выдвинули его сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ провинціи, и даже въ послѣднее время въ Берлинѣ.

Концерты его всегда привлекали массу публики; благодаря ему мы познакомились со многими первоклассными произведеніями иностранной и православной духовной музыки. Хоръ свой онъ организовалъ сначала для церковныхъ службъ, а затѣмъ сталъ разучивать съ нимъ и свѣтскую музыку и русскія (вѣрнѣе—все-славянскія) народныя пѣсни.

Между прочимъ, А. А. Архангельскій замѣнилъ въ своемъ хорѣ дѣтское голоса женскими; это нововведеніе нашло себѣ много подражателей въ другихъ церковныхъ хорахъ. Юбиляръ извѣстенъ еще какъ композиторъ.

Изъ его сочиненій крупнѣйшія: «Пѣніе божественной литургіи», «Всенощное бдѣніе», «Литургія Св. Иоанна Златоуста», «Панихида», «Восемь херувимскихъ», «Пѣніе церковныхъ службъ въ дни Св. Великаго поста, Св. Пасхи и двенадцати праздниковъ», «Пѣніе литургій преждеосвященныхъ даровъ» и мн. др.

М. И. Чигоринъ. (Портр. на этой стр.).

12 января с. г. въ г. Люблинѣ скончался знаменитый русскій шахматистъ, Михаилъ Ивановичъ Чигоринъ. Дѣятельность его на избранномъ имъ поприщѣ была очень напряжена, и мы поста-

раемся хотя бы въ общихъ чертахъ опредѣлить его значеніе въ дѣлѣ развитія шахматной игры.

Чигоринъ былъ прежде всего гениальный игрокъ. Его громадное дарованіе проявлялось всегда—игралъ ли онъ серьезную турнирную партію, или давалъ сеансъ одновременной игры, папримѣръ, а l'aveugle (въ чемъ онъ былъ такой мастеръ), или въ одиночествѣ изслѣдовалъ какой-нибудь дебютъ, какое-нибудь положеніе. Его дарованіе имѣло свою опредѣленную фizioномію, рѣзко выдѣлявшую Чигорина изъ среды другихъ игроковъ. Если мы захотимъ самымъ краткимъ образомъ охарактеризовать его игру, то мы должны будемъ назвать *красоту* и *коррекность*, какъ такіе именно черты, которыя опредѣляютъ ея индивидуальность. Въ ихъ сочетаніи и заключается сила Чигорина. Онъ игрокъ по преимуществу на атаку: стиль его игры смѣлый, наступательный,—но даже въ самыхъ сложныхъ, дерзкихъ или, какъ ихъ называли, «azarныхъ» комбинаціяхъ мы рѣдко найдемъ ошибку въ расчетѣ. Рядомъ съ этой комбинаціонной силой, Чигоринъ обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ вести концы игры, гдѣ на первый планъ выдвигается расчетъ. И его вдохновеніе умѣло оживлять даже самыя сухія и, казалось бы, безыдейныя положенія.

Всѣ эти черты своего дарованія Чигоринъ проявлялъ и въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Какъ и въ практической игрѣ, онъ предпочиталъ гамбитныя игры (гамбитъ Эванса, королевскій и др.): здѣсь его творческая сила, его фантазія находила больше простора. Дѣйствительно, онъ умѣлъ находить такіе продолженія, иногда совершенно неожиданныя, которыя, навѣрно, надолго укрылись бы отъ взоровъ самыхъ кропотливыхъ изслѣдователей.

Видное мѣсто принадлежит Чигорину и въ дѣлѣ развитія шахматной жизни въ Россіи. Здѣсь имъ совершенъ цѣлый переворотъ. До Чигорина шахматами въ Россіи почти не интересовались, и немногочисленные любители этой игры собирались по рестораничкамъ и кафе, чтобы провести часть-другой за дюжиной «легкихъ» партій, даже не помышляя, что возможно иное отношеніе къ игрѣ. И только въ 70-хъ годахъ въ Петербургѣ, въ ресторанѣ Доминика, сгруппировался небольшой кружокъ, который сталъ серьезно относиться къ шахматамъ, сталъ ихъ изучать и изслѣдовать. Въ этомъ кружкѣ очень скоро выдвинулся на первое мѣсто и по дарованію и по энергіи Чигоринъ. Въ 1875 г. онъ предпринялъ изданіе «Шахматнаго Листка», который просуществовалъ до 1881 г. Онъ организовывалъ въ Петербургѣ турниры, общества, бѣдилъ по Россіи, заводилъ отдѣлы въ журналахъ и, позднѣе, въ газетахъ. Подъ его редакціей велись отдѣлы во «Всемирной иллюстраціи», «Живописномъ Обзорѣннѣ», «Новомъ Времени», «Нивѣ» и др., а также журналы «Шахматный Вѣстникъ» (1885—87 гг.) и «Шахматы» (1894 г.). Но больше всего значенія для развитія шахматной игры въ Россіи имѣлъ онъ своими успѣхами на международныхъ состязаніяхъ. Въ его лицѣ Россія впервые выступила на международную арену и заняла видное мѣсто.

Внѣшніе факты его жизни таковы. Родился онъ 31 октября 1850 г. въ Гатчинѣ, гдѣ воспитывался въ сиротскомъ институтѣ и гдѣ узналъ впервые шахматную игру. Серьезно началъ ею заниматься съ 1873 г., при чемъ уже въ 1877 г. побѣдилъ Шиффера въ матчѣ, а въ 1878—9 гг. взялъ 1-й призъ въ турнирѣ лучшихъ игроковъ. Послѣ этого онъ явно занялъ первое мѣсто въ Россіи, такъ какъ всюду бралъ первые призы (между прочимъ на 3-хъ всероссійскихъ турнирахъ) и побѣдилъ въ матчѣ всѣхъ своихъ соперниковъ (еще въ 1906 г.—Г. С. Сальве). На международномъ турнирѣ впервые выступилъ въ 1881 г. въ Берлинѣ, гдѣ и раздѣлил съ Винаверомъ 3 и 4 призы. Высшіе успѣхи Чигорина начинаются съ 1889 г., когда онъ съ хорошимъ результатомъ сыгралъ матчъ со Стейнницемъ, раздѣливъ 1 и 2 призы съ Вейсомъ въ Нью-Йоркѣ. Въ 1890 г. Чигоринъ разыгралъ въ ничью матчъ съ Гунсбергомъ, въ 1890—91 гг. выигралъ у Стейница по телеграфу двѣ партіи, въ 1891—92 гг. сыгралъ второй матчъ со Стейнницемъ, случайно проигранный Чигоринымъ, въ 1893 г. матчъ съ Таррашемъ (въ ничью), въ 1895 г. 2-й призъ въ Гастингсѣ, въ 1896 г. 1-й призъ въ Буда-Пештѣ. Послѣ этого болѣзни и нервность отражаются на его игрѣ, но все же она порой подымается на прежнюю высоту (1-й призъ на гамб. турнирѣ въ Вѣнѣ, 1903 г.). Но въ памяти шахматистовъ навсегда останется свѣтлый образъ великаго шахматиста, давшего множество партій, отмѣченныхъ печатью истиннаго гения.

М. И. Чигоринъ, знаменитый шахматистъ. (1850—1908). По фот. авт. «Нивы».

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Стиль грезить. Романъ Ал. Н. Будичева (Продолженіе).—Витязь. Стих. Г. Вяткина.—Песчаная волна.—Флюидныя болѣзки и ихъ лѣченіе.—Зерія. Разсказъ Маріи фонъ-Эбнеръ-Эшенбахъ.—Китаецъ Миллеръ. Разсказъ Гарри Шиффа.—Карадашъ. Очеркъ М. А. Орлова.—Португальская драма (Поэтическое обозрѣніе).—Трагедія въ Лиссабонѣ.—Въ Государственной Думѣ.—С. А. Малоземова.—А. А. Архангельскій.—М. И. Чигоринъ.—Объявленіе.

РИСУНКИ: Въ кругу.—Нападеніе.—Голландская ярмарка.—Срѣтеніе Господне.—Песчаная волна (4 рисунка).—Флюидныя болѣзки и ихъ лѣченіе (6 рисунковъ).—Донъ-Карлосъ I, король Португальскій.—Луисъ, наследникъ португальскаго престола.—С. А. Малоземова.—А. А. Архангельскій.—М. И. Чигоринъ.

Нѣ этому Лѣ прилагаются: 1) «Еженѣд. литерат. и популярно-научныя приложенія» за февраль 1908 г., 2) «ПАРИЖСКОЕ МОДЫ» за февраль 1908 г. съ 37 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 23 рис. вышиванія по дереву.

Редакторъ Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.